

Побег

Борис Кантор

18+

Борис Кантор

Побег

«Олимп-Бизнес»

УДК 82-3
ББК 84(2)6

Кантор Б.

Побег / Б. Кантор — «Олимп-Бизнес»,

ISBN 978-5-9693-0417-8

Владимир Крысанов – успешный выпускник МГУ, геофизик – вырос в глухой сибирской деревне, где уже с детства ощутил на себе все «прелести» изнанки советской системы. После того как Владимир отказывается сотрудничать с КГБ, его научная карьера оказывается под вопросом, а самого молодого специалиста фактически ссылают на разработки нефтяных месторождений в Сибирь. Не желая более терпеть произвол, творящийся в стране, Крысанов решает вырваться из социалистического «концлагеря» в свободный мир. Но покинуть СССР легальным путем невозможно, и он принимает решение бежать на Запад – через Карелию в Финляндию, а оттуда – в Швецию. Пройдя в нечеловечески тяжелых условиях пешком через карельские леса, реки и болота почти двести километров, чудом избежав встреч с пограничниками, Владимир незамеченным пересекает финскую границу, а затем – то пешком, то автостопом – благополучно достигает Стокгольма.

УДК 82-3
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-9693-0417-8

© Кантор Б.
© Олимп-Бизнес

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	8
1. На грани провала	9
2. Счастливый билет	27
3. Через реки и болота	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Борис Кантор

Побег. повесть

© Борис Кантор, текст, 2019

© Виктор Нестеров, художественное оформление, 2019

© Издание, оформление Издательство «Олимп-Бизнес», 2019

* * *

Предисловие автора

В начале девяностых годов прошлого века мы с женой и сыном впервые очутились в Альпах, приехав в замечательный горнолыжный городок Заальбах. Я много слышал об альпийских горнолыжных курортах, но то, что мы увидели, превзошло все ожидания.

Приехали мы вечером. С двух сторон от дороги в темноте угадывались горы, по которым ползали вверх и вниз какие-то огоньки. Оказалось, это специальные машины – ратраки, подготавливающие трассы к завтрашнему дню.

Нам, привыкшим к суровым условиям Приэльбрусья, всё было в новинку и вызывало неподдельный восторг: и многочисленные, разнообразные по конструкции комфортабельные подъемники, на которые не было очередей, и подробные карты трасс для катания, и то, что лыжи можно оставить где угодно, не боясь, что их стащат... Но самое большое впечатление на нас произвели сами горнолыжные трассы – широкие, гладкие, которые после бугристых, неухоженных склонов Чегета воспринимались как что-то нереальное.

Через несколько дней мы освоились (к хорошему быстро привыкаешь!) и каждый день совершали путешествия по многочисленным горнолыжным маршрутам окрестностей Заальбаха.

Когда мы однажды остановились на одной из развилок и, рассматривая схему трасс, громко обсуждали, в какую сторону лучше ехать, от проезжавшей мимо группы лыжников отделился мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, с рыжей шкиперской бородкой; он подъехал к нам и, «по-американски» грассируя, удивленно произнес: «Ну надо же, впервые слышу в Заальбахе русскую речь!»

Так мы познакомились с Владимиром Крысановым – и до конца нашего пребывания в Заальбахе ни на день с ним не расставались. Оказалось, что, побывав на многих мировых горнолыжных курортах, он уже на протяжении долгих лет предпочитает кататься на лыжах только в Заальбахе, где у него масса друзей, съезжающих сюда со всего мира. Сам он в то время проживал в Стокгольме и производил впечатление весьма обеспеченного человека.

На лыжах Володя катался замечательно – по любым склонам и по любому снегу. Особенно он любил спускаться по целине и настойчиво обучал этому меня и моего сына. Иногда он любил по-пижонски спускаться с курительной трубкой в зубах (большая фотография, запечатлевшая его во время такого спуска, висит у нас дома).

Володя познакомил нас со своей интернациональной компанией, и мы прекрасно проводили время – сначала на лыжах, а потом на традиционных вечеринках «апрески», коих Крысанов был большой любитель. Иногда мы устраивали пикники на склонах гор, которые он на иностранный манер называл «митинги».

Володя на тот момент был холост и очень подружился с нашим девятнадцатилетним сыном. Они вместе ходили по дискотекам и даже иногда «снимали» там барышень.

В наших застольных беседах Крысанов неоднократно начинал рассказывать о своей удивительной судьбе, о бегстве в шестидесятых годах из СССР через Финляндию в Швецию. Но я его не очень внимательно слушал, и какого-то цельного повествования в голове не отложилось. Мы тогда больше внимания уделяли не прошлому, а настоящему – поразившим нас красотам Альп, ежедневным приключениям, знакомствам и другим аспектам горнолыжного отдыха. Из его рассказов я тогда понял только то, что Володя, много лет назад нелегально покинув уже не существующую сейчас страну, остерегается возвращаться на родину.

Тем не менее через пару лет он всё же рискнул приехать в Россию. Несмотря на все опасения, его не только не арестовали, но в существующем на тот момент бардаке даже не заметили. Он съездил к своим родным – в Сибирь, вернувшись оттуда в шоке от увиденной разрухи; повстречался после долгой разлуки с университетскими друзьями, с которыми познакомил и

меня. Это оказались очень интересные и неординарные люди, работающие в различных областях науки и искусства.

Тогда же Володя пригласил нас с женой на Мальорку, куда он к тому времени перебрался из Стокгольма. Там он жил на большой парусной яхте, пришвартованной к пирсу, которую недавно приобрел в Швеции.

Из аэропорта Крысанов сразу привез нас на роскошную виллу, где проходила шумная вечеринка. Среди многочисленных гостей, с которыми Крысанов нас непрерывно знакомил, были бизнесмены со всего мира – его приятели, что напомнило нам о традиционных «апрески» в Заальбахе.

На Мальорке мы провели две незабываемые недели, плавая небольшой компанией среди Болеарских островов. При этом Крысанов так уверенно и профессионально управлял своей яхтой, как будто всю жизнь занимался только этим делом.

Володя был очень интересным человеком и настоящим другом, готовым всегда прийти на помощь в трудную минуту, в чем я имел возможность лично убедиться. Недаром у него было столько друзей из различных областей человеческой деятельности в разных странах.

Несколько лет спустя мы с товарищем поехали кататься на лыжах в Заальбах. Там мы встретились с Крысановым, которого я предупредил о нашем приезде.

Выслушав во время одного из совместных застолий рассказ об его «одиссее», мой товарищ предложил написать об этом книгу. И я подумал: «А ведь действительно – такая непростая, насыщенная приключениями жизнь заслуживает описания! Но уж если писать книгу, то вместе с Крысановым. Ведь мне почти ничего не известно о его жизни до нашего знакомства. Да и историю его побега лучше него никто не знает».

Когда я рассказал Володе о нашей идее, он некоторое время думал, созрел – и наконец согласился. Более того, он сообщил, что уже связался с каким-то шведским издательством, которое согласилось его книгу издать (в Швеции он был весьма популярной личностью).

С этого момента Крысанов стал еженедельно присылать мне свои воспоминания, и я понял, что он настроился на серьезную работу.

Но тут случилось несчастье – Володя тяжело заболел. У него оказалась неизлечимая форма лейкемии. Человек огромной силы духа, он несколько месяцев мужественно боролся с болезнью, продолжая при этом писать! Ему каждые две недели переливали кровь, проводили мучительные химиотерапевтические процедуры... но всё было напрасно, и вскоре Володи не стало.

Предвидя такой исход, он в последние дни своей жизни предложил мне всё же закончить книгу без него, предоставив мне право решать, в какой форме она будет написана. Единственное, о чем он просил, – не превращать ее в детективный роман, а постараться донести до читателя его мысли и истинную причину побега из СССР, что я, в меру своих способностей, и постарался сделать.

Хочу выразить благодарность друзьям и близким Владимира, откликнувшимся на мою просьбу поделиться своими воспоминаниями о нем (без их участия издание книги было бы невозможно): Зауру Квижинадзе, Виктору Трахтенбергу, Борису Углову, Михаилу Супоницкому, Владимиру Тигонену и, конечно, вдове Володи – Луизе, предоставившей в мое распоряжение уникальные материалы из шведских газет того времени, когда Крысанов после своего побега очутился в Стокгольме.

Борис Кантор

Пролог

31 июля 1965 года

В кабинете полковника КГБ Годовикова раздался телефонный звонок. Полковник снял трубку.

– Слушаю!

– Товарищ полковник, это капитан Прохоров. Только что позвонил Туманян. Наш подопечный собирается завтра утром отправиться в путь.

– Решился всё-таки! С какого вокзала он поедет?

– Скорее всего, с Ленинградского – он вчера сдал там рюкзак в камеру хранения.

– Точное время известно?

– Нет, но Туманян завтра утром должен с ним встретиться и постараться уточнить детали.

– Понятно. – Полковник на минуту задумался. – Вот что, капитан, брать его в пути не имеет смысла – нет оснований! Что мы ему можем предъявить – что он едет в поезде с рюкзаком? Поступим так: подбери группу ребят из наружки – человек пять-шесть, и хорошо, если бы среди них был кто-то из тех, кого он мог видеть в университете, ну, кто там работает из наших сотрудников... При этом шифроваться особо не нужно! Наоборот, надо сделать так, чтобы он ясно понял: за ним следят! Если он не дурак – а он не дурак, – то поймет, что бежать с «хвостом» бессмысленно, и вернется назад. Хорошо бы ему в этом помочь – пусть, например, рядом случайно окажется попутная машина до Москвы... А когда вернется, ты как следуешь с ним поработаешь! Всё понятно?

– Так точно, товарищ полковник.

– Выполняйте! Когда возьмете его в Москве, сразу доложите мне.

– Есть, товарищ полковник!

1. На грани провала

КРЫСАНОВ

За окном было пасмурное утро, собирался дождь. Говорят, уезжать в дождь – хорошая примета! Я нервно походил туда-сюда по комнате, чувствуя себя спортсменом перед решающим забегом. Потом вспомнил: надо ж присесть перед дорожкой – и сел на диван.

Итак, на поезде – до станции Лоухи, оттуда пешком до Финской границы, а потом добраться до Швеции и позвонить Стефану... Дальнейшее зависит от того, как меня встретят шведские друзья – ведь с тех пор, как они уехали из Москвы, прошло уже три месяца! За это время они вполне могли забыть и про меня, и про свои обещания...

Мои размышления прервал стук в дверь.

– К телефону! – раздался знакомый громкий голос дежурной по этажу.

Звонил Вилли.

– Давай увидимся напоследок.

К чему эти бессмысленные «последние» прощания? Тем более что мы виделись пару дней назад. Но вдруг он хочет сказать что-то важное?

– Хорошо, давай встретимся через полчаса у метро «Красные ворота», но ненадолго!

О моем намерении бежать за границу знают только два моих близких друга: Заур и Вилли. С Зауром я попрощался вчера и договорился, что он сдаст мою комнату перед тем, как уедет в Тюмень. Ему же я передал письмо для родителей, которое он должен отправить через две недели. Лучше, если они узнают о побеге из моего письма, чем от КГБ.

Вилли поджидал меня на выходе из метро и, увидав, удивленно спросил:

– А где же рюкзак?

– Он там, где надо, Вилли.

– Уже отвез в камеру хранения?

– Предположим, что так.

От метро мы направились не к вокзалам, а пошли сначала по Садово-Спасской улице, потом по Орликову переулку. Было не жарко – только что прошел дождь и, кажется, собирался снова. Несколько минут шагали молча. Мне казалось, будто Вилли хочет что-то сказать, но не решается.

Наконец я не выдержал этой затянувшейся паузы.

– Послушай! Раз уж мы встретились, то я тебе в последний раз предлагаю идти со мной. Пусть тогда не вышло, но теперь-то всё должно сложиться удачно! Если потребуется, я потащу тебя на спине. Я уверен, что мы не подохнем и пройдем. Пусть для этого потребуется два или даже три месяца. У меня теперь есть ружье и леска с крючками, я добуду жратвы столько, сколько надо!

– Нет, сэр! – Так называл меня Вилли, когда хотел подчеркнуть нашу близкую дружбу. – Предыдущий наш поход показал, что такое не для меня! Второго я не выдержу. Мне кажется, один – ты на этот раз пройдешь. А если мы пойдем вместе, что-нибудь случится снова, – нервно сказал Вилли, глядя куда-то в сторону, и, криво улыбнувшись, попытался пошутить: – Когда окажешься за границей, найди мне там жену-иностранку; может, хоть таким образом удастся выбраться отсюда.

– Жалко оставлять тебя здесь, Вилли. Ведь если я пройду, КГБ тебя съест. Они же знают, что мы друзья и в последний год всегда были вместе. Затаскают по допросам, доведут до ручки!

– Я зажмусь и буду молчать. А если меня вышибут из института, поеду куда-нибудь в Сибирь, буду работать в экспедициях...

– Ладно! Только бы это прощание не было прощанием навсегда. Я так говорю не потому, что меня могут убить, хоть это очень даже вероятно. Я опасаясь, что мы окажемся по разные стороны баррикад.

– Нет, сэр! Ты же знаешь, я не могу быть на другой стороне. Я обещаю, что буду продолжать слушать передачи «из-за бугра» по твоему классному приемнику, а может быть – услышу и о тебе!

– Ну ладно, Вилли! Как хочешь!

– Ты как пойдешь? Старым маршрутом? Ты ведь его уже знаешь почти наполовину.

– А вот этого тебе знать не надо! На всякий случай...

– Я понимаю...

Уже виднелась Комсомольская площадь, три вокзала. Я остановился.

– Вот здесь и попрощаемся. Прощай, мой друг!

– Прощай, сэр! Удачи тебе!

– Спасибо!

Мы не обнялись, а просто пожали друг другу руки, и я, не оглядываясь, зашагал к вокзалам. Хотелось поскорее уйти. Уж очень меня тяготило это непонятное прощание с Вилли. Непроизвольно подумалось, что оно явно не к добру.

ВИЛЕН ТУМАНЯН (ВИЛЛИ)

С Володей Крысановым мы познакомились на вечеринке в доме у сына известного лекционера русских авангардистов по фамилии Кастакис. Его привел с собой какой-то не вполне трезвый художник-диссидент и церемонно представил как своего друга и единомышленника, а также молодого и талантливого ученого.

Крепкий такой мужичок, небольшого роста, с рыжей бородой, в больших роговых очках – типичный геолог.

«Крруасанов», – сказал он, пожимая мне руку. Он как-то странно грассировал на американский манер, и мне даже пришло в голову, что, наверное, этот Володя, как и я, родился в Америке. Но когда я поинтересовался о его «корнях», выяснилось, что он родом из Сибири. Я даже расстроился.

Этот Крысанов недавно вернулся из длительного похода на подводной лодке, где занимался какими-то научными исследованиями; он был полон впечатлений, и вся подвыпившая публика с интересом слушала его морские байки.

Поскольку я жил неподалеку от его университетского общежития, возвращались мы с ним вместе. Было поздно; такси, как обычно, в поле зрения не появлялись, и нам пришлось долго идти по безлюдному проспекту Вернадского.

Я в тот вечер прилично выпил и, расчувствовавшись, стал рассказывать ему о себе, в том числе об Америке, где с раннего детства жил с родителями – сотрудниками нашего посольства. О том, как до десятого класса учился там в русской школе, где меня и стали называть «Вилли», а когда отца отозвали в Москву, заканчивал учебу уже здесь, после чего поступил на биофак МГУ, который окончил этой весной. И вот сейчас работаю в НИИ мозга, про который ходит шутка, что со дня его основания там занимаются исключительно изучением мозга Ленина.

Поскольку же художник-диссидент представил Крысанова как своего друга, я без всякой опаски стал ему жаловаться, что никак не могу привыкнуть к здешним порядкам и мечтаю вернуться обратно в США. Но как? Отца за границу уже не пошлют – возраст не тот. Он сейчас преподает в какой-то военной академии и вроде собирается на пенсию. А даже если и пошлют, то без меня. Ведь я уже не ребенок. Так что шансов никаких!

Около моего дома мы остановились, и Крысанов, видимо тоже пребывая в состоянии среднего алкогольного опьянения, после завершения моего ностальгически-восторженного рассказа об Америке долго молча смотрел на меня, как бы проверяя, а потом заявил, что лично он уже давно решил бежать из этой страны победившего социализма на Запад, так как другого способа оказаться там у него нет. И предложил осуществить это вместе...

Я был совершенно не готов к такому предложению «молодого талантливую ученого» и вначале подумал, что он шутит. Но Володя продолжал в упор смотреть на меня сквозь свои большие роговые очки, ожидая ответа. И я, ощущая почти физическое давление его взгляда, зачем-то сказал, что эта мысль часто приходила мне в голову! После этого, став уже как бы единомышленниками, мы долго с пьяным жаром обсуждали возможные способы осуществления нашей затеи, предлагая самые фантастические варианты, и расстались почти друзьями, решив вместе работать над планом побега.

КРЫСАНОВ

Острое желание каким-то путем попасть на Запад появилось у меня вскоре после поступления в университет. Зная не понаслышке о скотском существовании наших людей вдали от Москвы, которого я с лихвой наглотался в детстве, проведенном в Сибири, и общаясь с иностранными студентами, я понял огромную разницу между жизнью «здесь» и «там» – в странах «загнивающего капитализма».

Главное, что меня поражало в их рассказах, – свобода! Свобода человека выбирать: где, в какой стране ему лучше жить, где он хочет учиться, а потом работать. Свобода перемещаться по миру и путешествовать куда угодно без всякого разрешения властей страны, где он в данный момент проживает. По всей вероятности, это требовало соблюдения каких-то формальностей, но они были явно несоизмеримы с ограничениями, принятыми у нас.

Ближе к окончанию университета у меня даже появилась конкретная, но совершенно несбыточная мечта о том, где бы я хотел жить и работать. В одном иностранном научном журнале я нашел иллюстрированную статью про астрономическую обсерваторию Мауна-Кеа, расположенную на Гавайских островах, на высоте более четырех тысяч метров. После этого мне иногда даже снились эти экзотические Гавайские острова посреди огромного синего океана и их столица со сказочным названием «Гонолулу»!

Как я хотел там оказаться и работать в этой обсерватории, тем более что моя специальность вполне для этого подходила! Ведь тема моей дипломной работы, которую я писал в Государственном астрономическом институте имени П. К. Штернберга, была связана с влиянием неоднородности гравитационного поля Земли на движение небесных тел.

А кроме того, проживая и работая там, можно было бы свободно посещать и другие страны, плавать по океану на парусной яхте. (Что у меня была бы своя яхта, я не сомневался!) Да мало ли что еще можно было бы!.. Мне казалось: весь мир мог быть открыт для меня!

Мое теоретическое желание оказаться на Западе трансформировалось в конкретную идею побега после того, как стало известно, что специальным постановлением правительства весь наш выпускной курс, вне зависимости от специальности каждого, направляется на нефтяные промыслы в Тюмень! А чтобы никто «не сорвался с крючка», свои дипломы мы сможем получить только через три года работы.

Как выяснилось, это неожиданное решение было вызвано тем, что недавно в Тюменской области дала первую нефть скважина какого-то ударника Семёна Урусова, что должно было положить начало разработке колоссального нефтяного месторождения. И руководство страны в приступе эйфории решило бросить для его освоения и скорейшего ввода в строй лучшие силы.

И вот, вместо интересной работы в Государственном астрономическом институте, куда меня уже распределили (и вместо Гавайев, которые, впрочем, оставались лишь в мечтах!), я должен ехать в тайгу, в глушь, и буквально убивать три года жизни, работая по совершенно другой специальности.

Надо любым способом валить отсюда! Так я убеждал себя. Ведь каждый контакт с нашими властями вызывает только чувства злобы и бессилия – чувства, свойственные рабу. Ведь в действительности все мы, даже те, кто высоко забрался по карьерной лестнице, – рабы этой системы. И пусть большинство мирится со своим рабством, а я – не желаю! У раба есть только два пути освобождения – восстать или сбежать. Восстать и изменить что-либо в нынешней обстановке совершенно нереально, поэтому есть только один путь к освобождению – побег! Конечно, если меня поймают, то объявят предателем, «изменником Родины». А кого я, собственно, предаю? Мать, отца, братьев и сестер, друзей? Нет! Может, Родину? А что такое Родина? Ведь не Родина же объявит меня предателем, а какие-то правящие нами люди, которым я никогда не клялся в верности. То, что я хочу покинуть эту страну, еще не означает, что я «предаю ее». Вспомним историю: люди всегда и всюду при желании покидали свои страны по тем или иным причинам. Только одни мы словно прикованы к своей стране цепями!

Среди моих «антисоветски» настроенных друзей ходило много рассказов о различных попытках побега из СССР. Я стал осторожно интересоваться такими случаями, чтобы определить для себя вариант с наибольшей вероятностью успеха, и вскоре, как говорится, «вошел в тему»!

Насколько я уяснил и с удивлением осознал, такое, чтобы отдельно взятую страну обнесли колючей проволокой и окружили вооруженной стражей не для того, чтобы препятствовать проникновению чуждых элементов извне, а чтобы свои не разбежались, произошло впервые в истории! То есть границу СССР стерегли исключительно для того, чтобы не перелезали «отсюда» – «туда»! Поэтому основной задачей советских пограничников стала охота на своих. Всё, что двигалось в зоне границы, рассматривалось как цель и добыча. При этом способы охраны границы непрерывно совершенствовались: прожектора и радиолокаторы; закрытые приграничные зоны; вспаханная контрольно-следовая полоса (с нашей стороны!); минные поля и сигнальные ракеты...

И вот тогда побежали с выдумкой, с народной смекалкой. Побежали творчески!

В пятидесятые годы в ОКБ Яковлева был создан легкомоторный маломестный самолет для нужд народного хозяйства «Як-12». Было заявлено о создании нового вида транспорта – воздушного такси. Летчик и три пассажира. Самолет надежен, прост и мог садиться на любой луг.

Но самолет иногда не хотел садиться на любой луг – хотел на заграничный! Три пассажира сообщали пилоту, что следующая остановка, например, Стокгольм. Этажерка, летящая довольно низко на бреющем полете, не бралась радаром. А троим сговориться просто: три товарища, или одна семья, – никаких подозрений!

Выпуск самолета прекратили. Службу воздушных такси расформировали. Виновным отвернули головы. И приняли решение, что советские люди должны летать не менее чем по десять человек на самолете «Ан-2». По проверенным маршрутам!

С застарелой ненавистью красного кавалериста к аэропланам маршал Ворошилов под это дело ликвидировал аэроклубы (он тогда курировал ДОСААФ), и молодым любителям неба оставалось только летать на планерах или прыгать строго сверху вниз с парашютом. Самопроизвольные передвижения на парашютах по горизонтали были запрещены после того, как пара юных асов нарушила священную границу.

Но если нельзя улететь, то можно попробовать уползти! Один молодой парнишка сумел проползти по дренажной трубе из советской Карелии в нейтральную Финляндию. Он разделся догола, обмазался солидолом для тепла и скользкости, выпил водки для бодрости и согрева,

привязал резиновый мешок с одеждой к ноге и пополз, сняв с советской стороны трубы заранее спиленную решетку. В ледяной родниковой воде, текущей в трубе ручейком, он добрался до другого конца и стал пилить ножовкой уже финскую решетку...

Но круче всех был удачный случай побега по воде в процессе океанского круиза. Вдали от берегов Юго-Восточной Азии, среди необозримых просторов Тихого океана человек спрыгнул ночью за борт – и поплыл. Нет, конечно, он не с бухты-барахты спрыгнул. Он целый год изучал карты океанских течений. Разбирался в навигации по звездам и в розах ветров. Перерисовал на кальку и запомнил расположение самых мелких островков и атоллов, да чтоб рядом были морские пути. И вот теперь он надел ласты и поплыл. А плавал он хорошо! Он провел в воде почти двое суток, но добрался до берега и был найден, спасен, доставлен...

Все наши курортные морские побережья, с которых можно было проложить водный путь за бугор, вечером освещались прожекторами. Радостные погранцы по ночам регулярно выуживали из морской пены наивные обнаженные парочки, и лучи прожекторов бликовали на незагорелых местах.

Но и с курортов уплывали! Только не ночью, а днем – как бы нечаянно. Черноморский рецепт был таков: берутся два надувных матраса, и один привязывается под другой. Под ними прикрепляется непромокаемый мешок с канистрой пресной воды, едой и одеждой; рекомендуется взять также документы и русско-английский разговорник. А нож привязать бечевкой поближе, чтоб был под рукой. Это барахло, сложенное и завернутое в купальное полотенце, грузится в прогулочную лодочку, берущуюся напрокат на пляже. Отгребаешь подальше, надуваешь и спускаешь в воду матрасы и тихо дрейфуешь в сторону Турции. Тут главное – выбрать день с правильным ветром.

Расчет был прост, требовались лишь выносливость и мужество. Если катер погранцов тебя вылавливает уже черт-те где – ты обрезаешь и протыкаешь нижний матрас, топишь нож и благодарно плачешь на руках спасителей. Но чаще – пока хватятся, пока разберутся, пока заметят, пока организуют поиск... там, глядишь, и Турция уже недалеко!

Еще рассказывали похожую на легенду историю одного инженера-электронщика, который спокойно и без хлопот перешел финскую границу пешком.

Во время коллективного выезда их НИИ за грибами в Карелию он сидел в кустах и определял сектора возможного наблюдения. Потом пошел, прикидывая, где его не возьмет фотоэлемент и прочая сигнализация. Смотрел под ноги и над головой. Карабкался, прыгал и полз. И прошел! Пройдя, он выбросил корзинку с грибами (при поимке нашими он косил бы под заблудившегося) и... сдался финской полиции!

Там он рыдал от ужаса и просился домой: я за-за-заблудился! Его долго трясли, доставили в Петрозаводск, еще трясли. Где ты проходил?! Не-не-не помню!.. Поржали. Вставили фитиля пограничникам и отпустили дурака.

А через месяц дурак ушел проверенным маршрутом, с документами, с валютой – и с концами...

Эта история, конечно, выглядела совершенно неправдоподобной – пройти более сотни километров по лесу без еды, да еще с корзинкой грибов (!) – это сказки! Но сам факт побега, видимо, имел место – я о нем слышал не только от своих друзей, но и по радио «Свобода». Если через советско-финскую границу ушел какой-то электронщик, то чем я хуже? Тем более с моим опытом походов по сибирской тайге с раннего детства.

Нужно только достать подробные карты Карелии и Финляндии и разработать оптимальный маршрут. Хорошо бы еще выяснить схему охраны границы...

И тут я неожиданно понял, что уже думаю о побеге как о реальном предстоящем действии, которое так или иначе должен осуществить!

ВИЛЛИ

Когда Крысанов познакомил меня со своей университетской компанией, я наблюдал, как его харизма буквально притягивает к нему людей. Володя умел создать себе имидж эдакого бывалого, опытного человека, который знает гораздо больше, чем говорит. Да и внешне он выглядел соответственно: хороший костюм с галстуком «в тон», белая или голубая сорочка, всегда начищенные до блеска туфли и огромные роговые очки; отличная короткая стрижка, ровные крупные зубы (от курения – желтоватого цвета) и стальной взгляд, обращенный на всё и вся; я почувствовал его и на себе! При этом можно было заметить его абсолютную уверенность во всех своих действиях, мыслях и словах. Мне было совершенно непонятно, как деревенский паренек, проживший до семнадцати лет в сибирской глуши, смог так быстро адаптироваться к столичной жизни!

Всем своим университетским друзьям он уступал только в росте, но его небольшой рост легко компенсировался тем вниманием, которым он пользовался среди товарищей и девушек, держась настолько легко и непринужденно, что у случайного наблюдателя не возникало никаких сомнений насчет того, кто здесь главный...

Видимо, для Володи я представлял интерес как человек из того мира, в который он мечтал попасть. К тому же мой английский язык облегчал общение с иностранцами, что было для нас очень важно.

Однажды зимой, с трудом проникнув в модное кафе «Молодежное» на какой-то джазовый вечер, мы оказались за одним столиком с двумя шведскими студентами-математиками, приехавшими на годовую стажировку в МГУ. Ребятам было явно скучно и одиноко в Москве, поэтому они очень обрадовались знакомству с нами. Мы стали водить их по модным театрам и престижным московским ресторанам – ведь с иностранцами туда было легко попасть! Знакомили со своими друзьями и с девушками, которые были не прочь потом поехать к ним в гости – они жили в гостинице на Профсоюзной улице... В общем, как могли организовывали их досуг. При этом Крысанов относился к этому делу как-то уж слишком серьезно!

Когда ребята уезжали, они не знали, как нас благодарить: оставили свои телефоны, приглашали в гости, обещая устроить такой же прием у себя в Стокгольме. Они, наверное, даже не подозревали, что легально попасть в Стокгольм нам было не проще, чем долететь до Луны! Однако номера их телефонов Крысанов аккуратно записал.

КРЫСАНОВ

Вчера вечером я отвез свой рюкзак на Ленинградский вокзал и сдал его в камеру хранения – лучше выйти из университета налегке, не демонстрируя, что куда-то уезжаю. На всякий случай – вдруг за мной следят? А интуиция подсказывала, что следить вполне могли. Хотя после того вызова в КГБ, когда я отказался сотрудничать с ними, меня больше не беспокоили и в работе над дипломом никаких обещанных препятствий не возникало, в последнее время я чувствовал себя как-то неуютно. А вдруг кто-то из арестованных ребят на допросе случайно назвал мою фамилию?

* * *

Всё началось с митинга у памятника Маяковскому, на котором я совершенно случайно оказался субботним вечером 14 апреля 1961 года, в день всенародного празднования полета Юрия Гагарина. Вокруг памятника стояла большая толпа народа, слушавшая поэтов, которые поочередно читали свои стихи. С момента открытия памятника Маяковскому в 1958 году такие чтения стали своеобразной московской традицией.

Когда я подошел к толпе, какой-то человек, забравшись на постамент, вместо ожидаемых стихов вдруг начал громко кричать, что Юра Гагарин ему нравится, а порядки в стране – нет! Толпа засвистела, зашумела... Потом его сменил неизвестный поэт, прочитавший сатирические стихи с явным антисоветским уклоном. Обстановка вокруг явно накалялась – какие-то люди из толпы слушателей стали пробираться к памятнику, чтобы стащить поэта и сдать «куда следует». Но группа молодых ребят как по команде цепью встала вокруг пьедестала, защищая выступавшего.

Следующим читал свои стихи еще один поэт – видимо, из этой же группы. Прожектор подсвечивал его на пьедестале, когда он согнулся над толпой, как птица за миг до полета, и бросал в толпу слова: «Не нужно мне вашего хлеба, замешанного на слезах...»

В этот миг часть зрителей заревела в поддержку этих стихов, другие – протестуя против них, и начался какой-то хаос! Тут же появились дружинники с повязками, которые стали хватать и выступавших, и тех, кто их охранял. Рядом со мной оказался поэт, выступавший последним, – к нему уже приближались дружинники, горя охотничьим азартом.

«Надо спасать парня!» – подумал я. И, вспомнив свой испытанный прием для прохода на закрытые танцевальные вечера с иностранцами, властно протянул руку и уверенным голосом распорядился: «Этого забираю я!» Дружинники, приняв меня за кагэбэшника, передали мне поэта с рук на руки, после чего я быстро увел его с собой...

ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ

В главном здании университета регулярно устраивались танцевальные вечера для обучающихся здесь иностранцев. Разумеется, нас, советских студентов, на эти вечера не пускали. Проводились они в центральном фойе на втором этаже, и там играл не традиционный магнитофон, а профессиональный оркестр с солистами и солистками. Состав оркестра и солистов мог быть нашим, а мог быть и иностранным! Вот куда каждому из нас, «простых смертных», хотелось попасть! Но... на входе стояли внушительные ребята-охранники. Поэтому, чтобы туда пройти, надо было либо иметь специальное приглашение, либо быть иностранцем с удостоверяющим этот факт документом. И вот тут на поле выходил Владимир Крысанов! Он проверял, нормально ли я одет, и проводил меня на мероприятие!

Я помню два таких случая. В первый раз, когда мы подошли к «секьюриту», Крысанов просто и внушительно сказал, указывая на меня: «Этот гражданин со мной!» – и прошел дальше, а я проследовал за ним. Представьте лицо охранника, который впал в столбняк, наглухо загипнотизированный моим другом.

Надо сказать, что речь Крысанова, когда он этого хотел, звучала, как приговор последней инстанции. При этом он очень оригинально произносил звуки. Его «р» звучало чисто по-английски, а вместо «л» Крысанов употреблял всё то же «р». Поэтому фамилию Углов он произносил так: Угров!

Когда мы так же попытались пройти на «запретный» танцевальный вечер во второй раз, охранник выставил руку и, вознамерившись нас ни в коем случае не пустить, потребовал документы!

Невозмутимый Владимир, не разжимая зубов, заявил: «Я распорядюсь, чтобы этот пост сегодня же был снят к чертовой матери!!!» Думаю, что звучание букв «р» в первом и двух последних словах полностью парализовало волю молодого человека, ибо всякое сопротивление мгновенно было сломлено – и я получил возможность вдоволь насладиться любимым рок-н-роллом!

Умением Крысанова разговаривать с бюрократами, а также с той публикой, которая обожает упиваться любой – даже самой малой – полученной властью, мы часто с успехом пользовались. А Крысанов тем временем не переставал нас всех этим удивлять и восхищать.

КРЫСАНОВ

Когда мы отошли от площади на безопасное расстояние, поэт, осознав, что никакой я не сотрудник КГБ, а дружинников мы обвели вокруг пальца, громко расхохотался и долго жал мне руку в знак благодарности.

Вскоре он познакомил меня со своими друзьями, которые, как я выяснил, создали некую подпольную политическую организацию. Они собирались на квартирах и в безлюдных парках, критиковали политику партии и правительства, обсуждали возможные способы организации борьбы против существующего общественного устройства и проект программы своей организации; предпринимались даже практические шаги по изготовлению листовок антисоветского содержания для распространения их среди населения...

Активным членом этой организации я не стал, решив, что мне важнее всё-таки окончить университет, – но многое, о чем говорили новые знакомые, совпадало с моими соображениями об обстановке в стране.

Вскоре руководителей организации арестовали и посадили – кого в тюрьму, кого в психушку; это второе было новым изобретением советской правоохранительной системы. Однако благодаря хорошей конспирации – все члены организации были разбиты на пятерки, которые знали только людей из своей группы, – многие участники сообщества на заметку КГБ не попали.

После этих арестов я продолжал поддерживать отношения с ребятами, оставшимися на свободе; они протестовали против репрессий в СССР, направляя письма в международные правозащитные организации.

Об этой стороне своей жизни я не рассказывал даже близким университетским друзьям. Поэтому мои внезапные исчезновения из их поля зрения и последующие неправдоподобные объяснения, вероятно, воспринимались ими как чудачества.

Тем не менее в категорию «политически неблагонадежных» я всё же попал после того, как подписал коллективное письмо в защиту диссидента Буковского, которого поместили в ленинградскую психушку. Меня тогда несколько раз вызывали на допросы в КГБ, пытаясь получить информацию об организаторах этого письма, и предупредили, что, если я не стану с ними сотрудничать, путь в науку для меня будет закрыт. Я, естественно, отказался, надеясь, что мой руководитель – профессор с мировым именем Павел Андреевич Строев – сможет разрешить ситуацию. Но оказалось, что против КГБ и он бессилён.

Гадить по мелочам они начали сразу. Вначале я был включен в состав участников экспедиции к Антарктиде на дизель-электроходе «Обь» и даже собрался взять для этого академический отпуск. Но в процессе оформления документов в отделе кадров ГАИШ, куда я был направлен на практику, экспедиция к Антарктиде в моем случае была заменена работой по проведению гравиметрических измерений на подводной лодке в Японском море. Я прекрасно понимал, в чем тут дело. Ведь корабль должен был заходить в иностранные порты. А вдруг кое-кто захочет там остаться и попросить политического убежища?

Хорошо еще, что они не узнали про мою прошлую связь с подпольной организацией. Тогда бы меня вообще отчислили из университета!

* * *

Москва блестела под утренним солнцем, окутываясь паром, поднимавшимся от просыхающего асфальта. Всё было как обычно. И солнце, выглядывающее из-за туч, и голубые окна на небе и сверкающие – на домах.

Вот и Комсомольская площадь, заполненная у парадных трех вокзалов множеством такси и разношерстной толпой приезжих – суетливых и растерянных, напуганных торопливостью и громадностью Москвы. Все они волочили чемоданы, мешки, рюкзаки. Обычная картина для этого места.

Казанский вокзал – особенно шумный. Но я уезжаю с более спокойного Ленинградского вокзала, где большинство пассажиров не были обременены тяжелым багажом – только портфелями или небольшими саквояжами. Отсюда в Ленинград ехали в основном командировочные – деловая публика.

После недолгих размышлений я решил не покупать прямой билет до Карелии в Москве. Если за мной следят, то, чтобы замести следы, лучше ехать на электричке до Клина или Калинина, потом до станции Бологое, а там уже, если мои опасения окажутся напрасными, сесть на какой-нибудь карельский поезд.

В камере хранения рюкзак выдали без каких-либо задержек. Сразу промелькнула мысль: «Это хороший знак!»

Рюкзак был довольно тяжелым, больше пятнадцати килограммов веса, хотя в нем находилось только самое необходимое. Конечно, это не так много – в экспедициях я, бывало, таскал и по тридцать, – но если предстоит пройти сотни километров, причем как можно быстрее, то настанет момент, когда эти пятнадцать будут давить на плечи, как все тридцать.

В рюкзаке сложенное ружье и патроны. Ружье – двуствольное: нижний ствол двадцать восьмого калибра, верхний – малокалиберный нарезной. Двадцать патронов дробовых, пять с жаканами и пятьдесят малокалиберных. Из «мелкашки» я обычно попадал без промаха в сидящую ворону на расстоянии пятидесяти метров. Конечно, не ахти какое ружье, зато легкое – всего два с половиной килограмма. Для добычи пропитания его вполне хватит.

Кроме ружья в рюкзаке была куртка с подкладкой, несколько пар толстых носков, два килограмма риса, сухари, пять банок мясных консервов, полкило сушеного гороха, сухие супы, соль и спички в водонепроницаемых упаковках, леска с крючками в круглой жестяной коробке и большой охотничий нож в ножнах.

На дне в пластиковом мешке лежали пять пачек американских сигарет «Честерфильд». Но их я буду курить, если перейду границу. А на первое время у меня было десять пачек нашей «Примы». Они лежали сверху.

В кармашке рюкзака, помимо разных документов, упакованных в пластиковый пакет, зубной щетки и пасты, находились пять однодолларовых купюр. В моем широком кожаном ремне у пряжки есть небольшой кармашек, куда я с трудом засунул две купюры по пять долларов – больше не помещалось. Поэтому однодолларовые купюры и пришлось положить в рюкзак.

«Блам-блам-блам» – со стуком перескакивают таблички с названиями конечных станций электричек. Очередной «блам» – Клин!

– Вот до Клина и поеду, а уж там посмотрим.

Некоторое время я колебался – покупать ли билет на электричку? Наверное, надо купить, а то пройдут контролеры и задержат. Но денег-то в обрез! Ровно на билет до нужной станции в Карелии. Если я потрачу на электричку, то вряд ли хватит. Допустим, до Калинина я истрачу полтора рубля. Останется десять с мелочью. Хотя билет из Калинина на север должен быть дешевле, чем из Москвы, – всё-таки я уже проеду сотню с лишним километров. Будь что будет! Лишь бы уехать из Москвы «чистым», без «хвоста».

Пока я брел с купленным билетом на электричку до Клина, меня начали одолевать сомнения: «Может, всё-таки надо было ехать до места прямо из Москвы. Вдруг теперь не хватит денег! А ехать без билета опасно. Надо было бы всё-таки взять у кого-нибудь еще хоть трешку».

Почти все свои премиальные от последней экспедиции мы с Зауром и с Борисом Угловым оставили в многочисленных буфетах Московского международного кинофестиваля, во время которого попеременно стояли в круглосуточных бесконечных очередях, чтобы снабдить кинофаната Заура абонементом или хотя бы отдельными билетами. При этом он всё время безумно влюблялся в какую-нибудь новую мировую кинозвезду – то в Марину Влади, то в Джину Лоллобриджиу, то в Брижит Бардо... Отдуваться за всё это приходилось обычно Борису.

Собравшись у подъезда гостиницы «Москва», где жили участники и гости кинофестиваля, мы просили его проникнуть внутрь этого суперохраняемого отеля и взять автографы у звезд мирового кинематографа.

– Но почему я? – каждый раз протестовал Борис.

– А потому, что ты из нас самый представительный. Надевай темные очки – и вперед!

И, что удивительно, ему это удавалось! Он свободно проходил через многочисленные кордоны и собирал для Заура массу автографов: Аркадия Райкина, Джинны Лоллобриджиу,

Михаила Ромма, Алексея Баталова и каких-то других неизвестных мне личностей. А потом мы шли это дело отмечать...

И вот теперь денег со всей очевидностью не хватало, а занять перед отъездом было не у кого. У Заура едва хватило на билет до Тюмени, а брать деньги у Вилли не хотелось. Видимо, после той неудачной попытки побега в наших отношениях возникла какая-то трещинка.

«А вот у КГБ в деньгах недостатка нет, – с тоской подумал я, – они могут следить за мной где угодно и сколько им угодно. Могут хоть вертолет послать вдогонку!»

И тут меня вдруг охватил страх, что за мной и в самом деле следят, – даже мурашки по спине побежали, но я сразу мысленно отругал себя за это.

«Это всё только эмоции! – убеждал я себя. – Их надо немедленно выбросить из головы!»

Кое-как успокоившись, я вошел в электричку, которая почти сразу же тронулась и начала быстро набирать скорость, проезжая мимо депо, запасных путей... Я нашел свободное место и сел, поставив рюкзак между ног.

«Теперь размышлять нечего, я уже в пути!»

За окном мелькали знакомые места. Мне стало как-то грустно! Все друзья остаются позади, в прежней жизни. Вот поезд проезжает нашу зимнюю спортбазу. Сколько раз я бегал там на лыжах по десятикилометровой трассе, а однажды даже выиграл первенство Москвы среди вузов.

Погода тогда была скверная: временами шел дождь, и лыжня превратилась в кашу. Я правильно угадал погоду, хотя с утра ничто не предвещало дождь, просто была оттепель. Скорый дождь я определил по запаху, как научился тому в Сибири. Но обычно это работало весной, а теперь – начиналась зима. Но всё-таки я угадал и смазал лыжи толстым слоем воска с барсучьим жиром. Эту мазь еще дома подарил мне местный охотник дядя Илья. Для сырого снега она оказалась лучше той, что выдавали в лыжной секции университета. Я пробежал дистанцию почти так же, как в обычную погоду, что не удавалось даже самым сильным мастерам. Разумеется, мне помогла и моя выносливость.

Вот и теперь мне придется полагаться на нее. Буду идти средним темпом, часов по восемнадцать в день. Я должен проходить километров по шестьдесят в сутки. Если по дороге, то можно было бы и по девяносто, но по карельскому лесу это невозможно!

Парень в синей рубашке, сидевший напротив, вдруг встал и вышел в тамбур. Следом за ним вышел мужчина лет сорока в сером пиджаке, черных брюках и коричневых ботинках. Я сразу обратил внимание на ботинки: они были коричневого цвета и явно заграничные. Да и пиджак был, похоже, не нашего производства.

Они перекинулись несколькими словами, и парень возвратился на место. Скопив глаза под своими очками в толстой оправе, я начал наблюдать за ним и вскоре понял, что парень украдкой меня рассматривает. Мужчина в тамбуре тоже смотрел в мою сторону. Это было подозрительно!

В Клину, когда я сел на калининскую электричку, мужчина в сером пиджаке спокойно прошествовал в следующий вагон. Электричка тронулась. Хотя парня в синей рубашке среди пассажиров я не заметил, на душе было тревожно. Оставшись в тамбуре покурить, я поглядывал сквозь стекла в соседний вагон. Тот мужчина тоже стоял в тамбуре и курил.

«По одежде вроде не кагэбэшник, но черт его знает!»

Докурив, я прошел в вагон и сел так, чтобы все окружающие места были заняты.

Рядом со мной сидела молодая пара. Я посмотрел в окно и задумался, прощаясь с тучами, несущими дождь в Москву, с лесом, обступающим железную дорогу, и с мелькающими то и дело деревьями. И погода такая, будто уже скоро осень. Грустно как-то. А деревенским пацанам всё ничего – носятся себе по лужам на палках-конях.

Оторвавшись от окна и оглядевшись, я снова увидел серый пиджак в конце вагона. Он разговаривал с кем-то, стоя ко мне спиной. Собеседник серого пиджака был высок и сутул, а

когда он посмотрел в мою сторону, лицо его показалось знакомым. Я огляделся по сторонам. На спинку скамейки напротив отвалился парень. Глаза его были закрыты. Видимо, он дремал, надвинув на глаза клетчатую кепку. Меня охватило волнение. Скоро уже Калинин. Если за мной следят, то лучше там не садиться на карельский поезд. А может быть, слежку я просто вообразил?

«Нет, не вообразил!» Теперь я уже почти не сомневался, что серый пиджак и сутулый присматривают за мной. Более того, теперь я точно вспомнил, что уже видел этого сутулого в университете. Видел эти серые волосы и нос картошкой, но тогда на нем был толстый свитер.

– Где мы уже? – парень в кепке проснулся и в упор смотрел на меня. – Долго еще до Калинина?

– Минут десять, – ответила молодая пара в один голос.

День, начавшийся игрой солнца в дождевых каплях, стал хмурым. По всему небу шли тучи. То тут, то там на горизонте виднелись полосы дождя. Но всё-таки дождь не обложной. «А впрочем, какое мне дело до того, что за погода будет здесь завтра, послезавтра?»

Электричка подъезжала к Калинину. Пора было решать, что делать дальше – брать билет на карельский поезд или нет? А может быть, имело смысл незаметно выйти на шоссе, поймать попутную машину и заночевать где-нибудь в лесу? В любом случае в первую очередь нужно как-то избавляться от слежки!

Часы на здании Калининского вокзала показывали половину пятого, когда я вышел из вагона на перрон, не теряя из виду серый пиджак и сутулого. Они сразу разделились, и серый пиджак занял позицию у дверей кассового зала. Я спокойно и медленно прошел мимо него, направляясь к выходу в город, потом остановился и закурил сигарету. Сутулый обогнал меня, не глядя по сторонам, но вскоре остановился и оглянулся. Я вернулся обратно и подошел к расписанию поездов. Едва я начал его изучать, как рядом остановился какой-то военный и, внимательно осмотрев меня с ног до головы, тоже уставился на табло.

Нужный мне поезд на Мурманск должен был подойти через два с половиной часа, а я всё не мог решить, что же мне делать. Не возвращаться же в Москву! Ничего умного мне в голову не приходило. Может, купить билет до Кеми? Это не очень далеко от намеченного начала маршрута, и если я сумею как-то избавиться от слежки (хотя надежды на это мало!), то потеряю не так уж много времени, а если меня задержат, объясню, что захотел съездить на Соловки, прежде чем уехать на долгие годы в Сибирь. Я подошел к кассам. Народу там было немного.

За билет до Кеми пришлось заплатить почти десять рублей. Значит, оттуда надо будет добираться на попутных. «Ну что ж, как-нибудь разберусь!» – решил я.

Военный бродил по зданию вокзала. Определить его принадлежность к тем или иным войскам было затруднительно, потому что поверх формы на нем был легкий плащ без погон.

Я сидел в зале ожидания и размышлял: следит он за мной или всё это мои фантазии?

«Нет, вряд ли он следит, – решил я. – Просто ждет поезда».

Серый пиджак и сутулый куда-то подевались.

Вдруг военный зашел в кабинет начальника вокзала и долго не выходил оттуда. Потом вышел и сел на скамейку напротив.

Женщина с повязкой «Дежурная» на рукаве прошла из кабинета начальника вокзала к кассам. Возвращаясь, она подошла к военному и что-то ему сказала. Он кивнул и продолжал сидеть.

Зал ожидания был наполовину пуст, как на всякой небольшой станции. Пассажиры, ожидающие мурманский поезд, сидели у своего багажа, дремали, скучаяще разглядывали входящих и выходящих.

Я взял рюкзак, вышел из здания вокзала и направился в дальний конец платформы покурить. Накрапывал дождь. Спустя некоторое время на платформе появился военный. Он скучно

осмотрелся, остановился на мне взглядом и возвратился в зал ожидания. Теперь я понял, что и он тоже за мной следит. Не слишком ли много народу привлечено к моей персоне? Странно!

К платформе подошла электричка, из нее вывалил народ, и я, смешавшись с этой толпой, вдруг увидел парня в клетчатой кепке, который дремал в электричке по дороге в Калинин. Парень стоял у выхода с платформы. Он, видимо, потерял меня в толпе людей, вышедших из электрички, и поэтому непрерывно крутил головой, разглядывая выходящих. Сомнений не осталось никаких – обложили, и серьезно!

В этот момент голова заработала на удивление спокойно:

«Надо отрываться здесь! Но ясно, что не поездом. А как же быть с билетом? Жалко денег – где я найду денег еще на один билет? Надо его сдать!»

Я пошел к кассе, в которой купил билет, и попросил кассиршу принять его обратно.

– Нельзя! Не положено!

– Понимаете, вот забыл дома трудовую книжку, а без нее не смогу устроиться на работу, – начал я канючить. – А если поеду за ней домой, то не успею на поезд. Я студент, и денег на другой билет у меня нет.

– Ну ладно, зайди к начальнику. Если он разрешит, то мне не жалко. У меня сын тоже студент.

Показав начальнику вокзала студенческий билет, я нарисовал перед ним наполненную драматизмом картину: бедный студент, едет на заработки, но оставил дома трудовую книжку. При этом я разложил перед ним все свои документы: зачетку, охотничий билет, комсомольский билет, пропуск в МГУ и даже старую медицинскую справку.

Глаза начальника наполнились сочувствием, и он, предварительно сходя куда-то, написал на билете: «Подлежит возврату».

Через несколько минут всё было улажено. Я получил деньги и быстро пошел на выход.

Поднявшись на переходный мост, я остановился и осмотрел платформу. Военный быстро шел по ней в направлении моста. Я сбегал вниз, в город, где уже во втором доме была арка, ведущая во двор. Оказавшись во дворе, я увидел два выхода, один из которых вывел меня на улицу с большим магазином, у которого толпился народ. Я быстро подбежал туда и смешался с толпой. Оглядевшись, я увидел узкий переулок, по которому к магазину шли люди. Юркнув в этот переулок, я вскоре очутился на улице с автобусной остановкой. На остановке стояла очередь, но я решил здесь не задерживаться.

Поплутав еще какое-то время по улицам Калинина и используя методы наблюдения, почерпнутые из детективных романов, я пришел к выводу, что «хвоста» за мной нет! Но что теперь делать?

Где-нибудь заночевать или ехать в Москву, взять там у ребят немного денег и завтра начать всё сначала? А может, переночевать за городом, выйти на шоссе и ловить попутную машину на Ленинград? Завтра к вечеру я буду там или поблизости. И деньги будут целы...

Но тут вдруг мне почему-то необъяснимо захотелось ехать поездом до нужной станции прямо из Москвы. Это было какое-то странное, совершенно иррациональное, но очень сильное желание! Значит, нужно ехать обратно в Москву, добывать деньги. Кроме того, КГБ наверняка не будет ждать меня в Москве. Они будут теперь ловить меня где-то дальше по железной дороге. К тому же, если я сяду в карельский поезд прямо в Москве, путь мой пролетит скорее, а это сейчас самое главное. Ведь потом мне еще предстоит пройти пешком сотни километров.

Размышляя на ходу таким образом, я оказался на улице с указателем «На Москву». Здесь же находилась остановка автобуса в сторону Москвы, у которой стояло несколько человек. Как только я подошел к остановке, около нее остановился «Москвич».

– Кому на Москву? – спросил водитель.

Я сразу же бросился к машине.

– Мне!

– Трояк!

– У меня есть только два рубля с копейками.

– Ладно, садись!

В машине сидели еще двое – женщина (видимо, жена водителя) и матрос.

«Вряд ли это подстава! – подумал я. – Не может быть, чтобы КГБ так оперативно работал!»

Я сел в машину и поздоровался. Потом, покопавшись в кармане, достал два рубля и немного мелочи. Шофер мелочь брать отказался.

– Студент? – спросил он.

– Студент.

– Оставь себе мелочь на сигареты.

В кармане осталось восемь рублей с мелочью. Значит, нужно добыть еще рублей восемь. Придется продать Витьке Трахтенбергу четыре доллара. Это будет минимум десятка.

Несмотря на то, что машина поскрипывала и побряхтывала на неровностях, ехать было довольно комфортно, и, может быть, поэтому возвращение в Москву не воспринималось как неудача. Наоборот, я внутренне торжествовал и даже гордился собой, что сумел оторваться от такой серьезной слежки. Дождь продолжался, хотя и несильный. Я решил доехать до города и позвонить Вите из какой-нибудь станции метро. Но тут шофер спросил:

– Вам куда надо в Москве?

– До какой-нибудь станции метро, а дальше я доберусь.

– Я еду на Университетский проспект.

– Ну а я в университет.

– Так вы из МГУ? Какой факультет?

– Геологический. Я – геофизик.

– То-то мне ваш голос знаком. Вы не из группы Павла Андреевича Строева?

«Конечно, мой картавый голос узнает кто угодно!» – подумал я.

– Да, я с ним работал.

Приглядевшись к водителю, я тоже узнал его, хотя видел всего пару раз, когда обрабатывал в ГАИШ материал для дипломной работы. Но фамилию вспомнить не мог.

– А я у вас на Красной Пресне работал с материалом по Антарктиде.

– Да-да, помню.

– Сейчас нас перевели в главное здание ГАИШ. У меня сегодня дежурство. Вас не к нам распределили?

– Нет, меня послали в Тюмень на три года. Скоро уеду.

– Вам к зоне «Б»?

– Да.

Мне было неудобно спрашивать его фамилию, но я сообразил, что, если у него есть машина, а работает он в ГАИШ, значит, собеседник мой был в одной из антарктических экспедиций.

В этот момент дождь полил как из ведра, машину начало водить из стороны в сторону, и шоферу стало не до разговоров. Сделалось уже совсем темно. По дороге остановились у Киевского вокзала и высадили там матроса. Дождь хоть и ослаб, но потоки воды лились по улицам, и шофер весь ушел в вождение.

– Ну, вот и МГУ, – сказал он, остановив машину у входа в зону «Б», и протянул мне деньги. – Я с коллеги не возьму, а тебе в Тюмени пригодятся.

– Возьмите хоть на бензин!

– Нет уж! Удачи в Тюмени!

– Спасибо вам большое! Передайте, пожалуйста, всем в лаборатории привет от Владимира. Я, наверно, не успею зайти попрощаться до отъезда. Но я им скоро напишу.

Мы пожали друг другу руки, и я от избытка чувств даже поблагодарил сидевшую с ним рядом женщину, которая за всё время пути не произнесла ни слова, и побежал под дождем в проходную, где дежурила знакомая вахтерша. Та махнула мне рукой в знак приветствия, даже не подумав спросить пропуск.

Перебежав двор, я вошел в зону «Б» и вдруг увидел, как двое, по виду оперотрядчики, куда-то ведут Заура. Я вначале остолбенел, а потом быстро отскочил в сторону, чтобы меня не увидели. В голове лихорадочно проносились мысли:

«За что его взяли? Что же мне делать? А я-то хотел провести вместе с ним последний вечер. Если Заура взяли из-за меня, то обстановка становится опаснее с каждым часом!»

ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ

Мы с моей подругой Ленкой Масловой с мехмата договорились оформить фиктивный брак. Мне очень не хотелось после окончания университета расставаться с любимейшей за годы учебы столицей, а потому было важно получить московскую прописку. Ленка же обещала прописать меня у своей бабушки в дачном поселке Раменского района, рядом с Москвой. Такая подмосковная прописка давала возможность спокойно жить и работать в Москве.

После посещения ЗАГСа я сдал свой паспорт на прописку в Раменское отделение милиции и спокойно ждал появления в нем соответствующего штампа.

В этот же период у меня возникла очередная любовь. Предметом любви была француженка по имени Лора, которая приехала в МГУ на короткое время для укрепления своих знаний в русском языке.

Как-то вечером мы с Лорой оказались в комнате общежития МГУ у одной из ее подруг – тоже француженки. Там собралась небольшая компания из француженок и наших ребят. Всё было прекрасно до тех пор, пока не раздался настойчивый стук в дверь. Было это уже после «часа пик» – двадцати трех часов. Девчонки предложили нас спрятать. Но мы поняли, что это наверняка оперотряд¹ – и они нас, конечно, выследили.

Хозяйка открыла дверь, и оперотрядчики предложили «советским гражданам мужского пола» покинуть помещение и выйти в коридор. Нас привели в комнату оперотряда, где потребовали предъявить документы. После проверки паспортов и стандартной разъяснительной работы отпустили всех... кроме меня, у которого по названным выше причинам паспорта с собой не оказалось. Из ближайшего отделения милиции вызвали машину, на которой меня туда и доставили. Начальника милиции на месте не оказалось – он должен был прийти только утром. Никакие объяснения успеха не имели, и я как был в своем цивильном костюме, так в нем и провел ночь на деревянной скамье «обезьянника».

В момент препровождения меня в милицейскую машину я заметил своего друга Володю Крысанова с рюкзаком за плечами, который почему-то быстро спрятался за колонну.

КРЫСАНОВ

Увидев бледного Заура в окружении оперотрядчиков, я очень занервничал, но тем не менее решил подняться на десятый этаж, который всегда называл «нашим этажом» (хотя моя

¹ Оперотряд МГУ в те годы строго следил за нравственностью студентов. Они вылавливали фарцовщиков, любителей западных танцев, западной музыки, западных шмоток, валютчиков и т. п. Правда, общение с иностранцами университетским начальством даже поощрялось, и на первых курсах наших студентов иногда даже селили в одних блоках с иностранцами – для лучшего овладения иностранным языком, – но находиться после одиннадцати вечера в женских комнатах общежития ребятам было запрещено. – *Здесь и далее примеч. автора.*

комната была на девятом), чтобы выяснить обстановку. Но, оказавшись на месте, я не увидел никого из знакомых. Все разъехались. Кругом были только абитуриенты.

Тут я почувствовал, что очень голоден, ведь у меня с утра не было во рту ни крошки! Я поднялся в буфет, который, к счастью, еще работал, купил колбасы, кефира и хлеба, после чего, спустившись по лестнице на девятый этаж, прошел в свою комнату.

Комната не была заперта, как я ее и оставил. В гардеробе висели мои рубашки и костюм с двумя галстуками, там же стояли туфли. Всё как до моего неудавшегося исчезновения! И ключ оказался на месте – под подушкой дивана, как мы и договаривались с Зауром.

Я запер дверь изнутри, сел на диван и приступил к ужину, размышляя: «А надо ли мне вообще бежать? Здесь у меня друзья, скоро будет какая-никакая работа. И, возможно, по окончании ссылки в Тюмень я вернусь в институт Штернберга. На Западе же у меня никого нет. Языка я не знаю. Правда, говорю немного по-английски, но очень коряво! И что я там буду делать?» Видимо, давала о себе знать усталость от долгого и напряженного дня. Но вскоре мои мысли опять потекли в привычном направлении: «Нет, здесь оставаться нельзя. Лучше уж подохнуть на границе!»

К тому времени наступила полночь. Я всё же решил пойти и разыскать кого-нибудь из знакомых девушек. Может, у них найдутся какие-то деньги? Ведь Таня Богоявленская еще позавчера была здесь.

Знакомая вахтерша, сидевшая у входа в зону «В», узнав, что я завтра уезжаю и иду попрощаться, пропустила меня, несмотря на поздний час. Но Танина дверь была заперта, и на мой стук никто не ответил. В комнате наших «филологических» подруг толпились абитуриентки.

«Видимо, все разъехались, – решил я. – Сейчас нужно пойти к себе и выспаться, а завтра утром увидеться с Зауром, если его, конечно, выпустят, и выяснить, за что его забирали. Или даже лучше позвонить, прежде чем встречаться».

Мысль о том, что находиться в общежитии МГУ для меня сейчас крайне опасно, мне даже в голову не пришла – в такой я находился эйфории после того, как оторвался от «хвоста» в Калининне.

Открыв ключом дверь своей комнаты, я вошел и сразу увидел, что здесь кто-то побывал. Рюкзак лежал не там, где я его оставил – между диваном и гардеробом, а у двери гардероба. Комнату мог открыть только дежурный зоны. У него есть ключ, который подходит ко всем дверям общежития, но приказать открыть ему могли только кагэбэшники. Кто-то, видно, успел им настучать, что я вернулся! Какой же я дурак! Они ведь наверняка меня здесь ждали. Куда же я еще мог деваться! «Это элементарно, Ватсон!» – вспомнил я известную фразу Шерлока Холмса...

Осмотрев рюкзак, я увидел, что его открывали: узел шнура был завязан иначе. Мелькнула мысль: «Надо скорей уходить!...» Но в этот момент дверь открылась, и в комнату вошли три человека. Один из них был оперотрядчик – я узнал его: пятикурсник с географического факультета. Других я никогда не видел, но они были явно не студенты. Высокий блондин крепкого телосложения в сером твидовом пиджаке с обшитыми серой кожей локтями – явно не советского производства, – видимо, был за старшего. Я сразу всё понял и с тоской подумал: «Ну вот и отбежался!»

– Ты куда собрался? – спросил оперотрядчик.

– В Тюмень на работу. А тебе что за дело?

– Давай рюкзак! Что у тебя там?

– Если нужно, я и сам открою. У меня в нем всё по порядку сложено, и уложить надо по порядку.

Я начал развязывать рюкзак. Показался ствол ружья.

– Давайте начнем с документов! – сказал блондин.

Делать было нечего! Я выложил из большого кармана рюкзака документы, завернутые в пластиковый пакет, зубную щетку, пасту и коробку с леской.

Оперотрядчик последовательно передавал всё это блондину.

«Всё равно они уже знают о долларах», – подумал я и, вынув пакетик с купюрами последним, показал, что карман пустой.

– На ружье разрешение есть? – спросил второй незнакомец.

– Есть. Оно в охотничьем билете зарегистрировано.

Блондин внимательно проверил все документы, включая копию справки о получении подъемных, и дошел до пакетика с долларами.

– Это что?

– Американские доллары.

– Это и так видно, что доллары. Откуда они у вас? – Он, в отличие от оперотрядчика, обращался ко мне на «вы».

– Получил от шведских студентов за помощь в освоении русского языка.

– Пойдемте к нам, оформим всё письменно, – сказал блондин. – Возьмите с собой рюкзак.

Я завязал рюкзак и надел его. Документы и доллары остались у блондина. Он разложил их по карманам пиджака. Все вышли из комнаты, и я запер дверь.

– Дай ключ! – протянул руку оперотрядчик.

– С чего бы это? Там мои вещи. И мне нужно сдать ключ, иначе я не получу справку о сдаче комнаты.

Оперотрядчик махнул рукой, и я положил ключ в карман. Блондин не проявил к ключу никакого интереса.

Мы спустились вниз в зону «В» и съехали на лифте в подвальный этаж, где были расположены комнаты КГБ. Никаких табличек, кроме номеров, на дверях не было; коридор и комнаты выглядели так же, как в общежитии, но все студенты знали, что именно располагалось на этом этаже.

Блондин выбрал ключ из связки и отпер одну из дверей. Это оказался блок с двумя комнатами. Когда мы вошли в левую комнату, блондин приказал второму незнакомцу проверить мои карманы. В карманах штанов ничего не оказалось, кроме мелочи, сигарет и простенькой зажигалки, которую мне подарили шведы. В кармане клетчатой рубахи была записная книжка. Ее изъяли. На ремень внимания, слава богу, не обратили.

После этого блондин приказал мне сесть на диван, попросил оперотрядчика удалиться и начал задавать вопросы. Он подробно расспрашивал обо мне, о моей семье, об экспедициях, о моих связях с иностранцами. О том, как именно и сколько долларов я получил от шведов. Я ответил, что получил пять долларов за двухчасовой разговорный урок и экскурсию в музей геологического факультета. Оказалось, что он знает о нашей последней вечеринке со шведскими студентами.

Пользуясь найденной записной книжкой, блондин прошелся по всем моим знакомым. Я старался отвечать как можно спокойнее и объяснил, что все мои друзья разъехались и здесь никого нет, кроме Заура Квижинадзе да Виктора Трахтенберга, с которыми я в последние дни не виделся. Я всё ждал вопросов про Вилли, но блондин почему-то не упомянул его.

Второй незнакомец всё время что-то записывал. Несколько раз он на короткое время отводил меня в другую комнату блока. Видимо, блондин при этом куда-то звонил.

Так прошло часа три. Составили протокол об изъятии долларов и паспорта. Я уже был готов к тому, что меня сейчас арестуют и куда-то повезут. Но, к моему удивлению, блондин, сложив в одну папку протоколы, мой паспорт и доллары, зевнул, поднялся и сказал:

– Утром разговор с вами продолжится. А сейчас идите спать. Паспорт и доллары останутся у меня.

– А рюкзак? У меня там еда.

– Возьмите с собой.

Он передал мне все остальные документы.

– А записная книжка?

– Она нам еще пригодится.

– А когда завтра-то? – спросил я нарочито мрачно, стараясь скрыть охватившую меня радость.

– Приходите часов в десять.

– Мне завтра нужно сдавать комнату.

– Завтра мы с этим разберемся.

На этом разговор закончился. Было пять часов утра. Я вышел из блока и не спеша поплелся в сторону лестницы. Так же медленно я поднялся на нулевой этаж, после чего тотчас же со всех ног бросился во двор зоны «В» – к выходу из университета.

2. СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

КРЫСАНОВ

Выскочив из проходной, я быстро зашагал к зданию биологического факультета, потом повернул и пошел вдоль парка в сторону Мичуринского проспекта. Было еще темно. Пару раз навстречу попались гуляющие пары.

Теперь уже никаких сомнений в необходимости побега не было. За доллары мне могут запросто пришить криминал². Судя по вопросам, которые задавал блондин, стало ясно, что в последние недели за мной следили. И вдруг мне в голову пришла мысль, что это может быть связано с Вилли. Ведь блондин расспрашивал обо всех моих друзьях, кроме Вилли. А ведь в последнее время мы с Вилли встречались очень часто! Именно он был со мной во время прощальной встречи со шведами. И только Вилли знал, что я поеду с Ленинградского вокзала...

Рассуждая таким образом, я быстро шагал вдоль Мичуринского проспекта к Мосфильмовской улице. Там я решил сесть в автобус, идущий до Киевского вокзала, а затем уже на метро доехать до Площади трех вокзалов.

Но без паспорта я не смогу купить билет, поэтому надо будет как-то договориться с проводниками, чтобы меня посадили без билета. Дам пятерку и поеду на северо-запад, а потом уже решу, как действовать, – судя по обстоятельствам. Главное – вырваться из Москвы до десяти утра и нигде не засветиться!

Когда я подошел к улице Пырьева, в предрасветном сумраке неожиданно встретил моего товарища по университету Витю Трахтенберга. Он был навеселе и, увидев меня, очень удивился:

– Привет! Ты куда это собрался?

– На охоту. У тебя деньги есть?

Витя порылся в карманах и вытащил три рубля с мелочью.

– Это всё!

– Дай займы! Верну, когда увидимся в следующий раз.

Витя протянул мне деньги с вопросительной миной на лице. Зная его словоохотливость, я сказал, что очень спешу на вокзал. В это время как раз появился автобус.

– Бегу, Витя. Спасибо!

– Всего, – только и успел он ответить, провожая меня удивленным взглядом.

ВИКТОР ТРАХТЕНБЕРГ

1965 год. Лето. Я молод, весел и талантлив. Только что окончил журфак МГУ и, несмотря на проблемы с «пятым пунктом» в паспорте, распределился очень удачно – в редакцию иновещания Гостелерадио. В связи с этим на радостях загулял.

В один из таких веселых дней рано утром я возвращался из ресторана аэропорта Внуково, где выпивал в компании друзей. Тогда было очень модно завершить ночное гулянье во Внуково: известный местный ресторан работал круглосуточно. На пустынной Мосфильмовской улице рядом со своим домом я вдруг увидел своего университетского друга Володю Крысанова

² Речь идет о статье 88 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года «Нарушение правил о валютных операциях», которая предусматривала уголовное наказание за операции с иностранной валютой. Осуждение по ст. 88 предполагало в зависимости от состава преступления лишение свободы на срок от 3 до 15 лет, конфискацию имущества, ссылку на срок до 5 лет и смертную казнь. Отменена Федеральным законом Российской Федерации 1 июля 1994 года.

в походной одежде и с большим рюкзаком. Ничего необычного в нем не наблюдалось – Володя часто удалялся в путешествия по лесам и горам. Необычным оказался его вопрос:

– Витя, у тебя сколько денег с собой?

Я порылся в карманах и обнаружил три рубля.

– Одолжи, я верну.

Володин тон был непривычно серьезным. Я отдал ему все деньги, подумав при этом, что на запланированный вечерний поход с девушкой в кафе придется занимать у родителей.

Володя махнул рукой и исчез.

КРЫСАНОВ

Доехав на автобусе до Киевского вокзала, я пересел на метро и вскоре был на Комсомольской площади. Уже совсем рассвело. Я не стал входить в здание Ленинградского вокзала, а обошел его слева, где вдоль запасных путей проходила дорога. Наверное, она шла к депо или к грузовым платформам. По ней изредка проезжали какие-то фургоны. Я дошел до места, где кончалась ограда и дорога уходила через пути вправо.

Путей было много, но движения по ним не наблюдалось. Видимо, это были маневровые ветки. Я направился к вагонам, стоявшим на этих путях.

Наверняка где-то здесь составляют пассажирские поезда дальнего следования к очередным рейсам. При нашей первой попытке побега мы ехали в вагоне на Мурманск, прицепленном к поезду из Адлера. Таких вагонов было несколько.

Между вагонами ходили рабочие и постукивали по колесам, проверяя соединения. На ходу придумав подходящую историю, я обратился к одному из них:

– Извините, вы не знаете, где стоят вагоны, которые пойдут в Карелию? У меня там сестра работает проводницей, и мне нужно передать ей продукты для родителей. А то я спешу на работу и не могу ждать, когда поезд подойдет к платформе.

Из Москвы все везут продукты, поэтому моя версия должна была выглядеть убедительной.

– Они вон за той тумбой справа. Их скоро сцеплять будут.

Я поблагодарил и быстро зашагал туда, куда он показал, повернул направо и увидел спальные вагоны с табличками «Москва – Хельсинки». Вот бы спрятаться там! К сожалению, это было невозможно. Я прошел дальше и увидел несколько вагонов «Москва – Мурманск». К какому поезду их прицепят, меня не беспокоило. Главное – вырваться из Москвы как можно скорее!

Я пошел вдоль вагонов, заглядывая в двери, которые были открыты. Около одного из вагонов стояла молодая симпатичная проводница и курила папиросу. Когда я подошел ближе, она посмотрела меня и спросила с улыбкой:

– Кого ищешь, молодой человек?

– Да вот ищу, кто бы взял меня на поезд до Карелии. У меня денег на билет не хватает.

– Студент?

– Студент.

– А тебе далеко?

– До станции Лоухи.

– Далеко! А сколько у тебя есть денег?

– Могу дать шесть рублей.

– Ну что ж, пошли в вагон, – сказала она, щелчком выбросив папиросу.

Мы поднялись в вагон и зашли в купе для проводников. Она задернула занавеску.

– Тебе, парень, повезло! Моя напарница заболела, и я буду на этом рейсе одна. Но сейчас придется полежать под сиденьем, пока поезд не отойдет. Тебя как зовут-то?

– Володя.

– Ну а меня Нина, будем знакомы!

Она подняла сиденье и стала вытаскивать вещи, чтобы освободить мне место. Получилось достаточно просторно, я даже мог там лежать с вытянутыми ногами. Лучше не придумаешь! Я вынул из кармана деньги.

– Потом, – сказала она. – А сейчас, если хочешь, сходи в туалет на всякий случай. Ведь лежать придется часа полтора, если не больше.

Последовав совету новой знакомой, я залез под сиденье и вытянулся. Потом коснулся ее руки, которой она опиралась на край багажника, удерживая другой рукой сиденье.

– А я не задохнусь здесь?

– Да нет, не бойся, багажник закрывается неплотно. Только сам не вылезай! Я тебе скажу, когда будет можно. А хочешь, поспи – время скорее пройдет, – сказала она и опустила сиденье.

Напряжение предыдущего дня и бессонная ночь давали о себе знать. Я постарался расслабиться и не заметил, как заснул, не слыша и не чувствуя ничего...

КАБИНЕТ ПОЛКОВНИКА КГБ ГОДОВИКОВА

По селектору раздался голос секретаря:

– Товарищ полковник, тут к вам капитан Прохоров, говорит – срочное дело.

– Ну, раз срочное, пусть зайдет.

Дверь кабинета резко открылась, и на пороге возник высокий блондин в сером твидовом пиджаке. Приблизившись на несколько шагов к столу, за которым сидел полковник, он тихо произнес:

– Товарищ полковник, у нас ЧП. Крысанов исчез!

– Как так – исчез?

– Мы вчера, согласно вашему приказанию, отобрали у него паспорт и отправили спать до утра. Но, как доложила сегодня дежурная по этажу, он у себя в комнате не появлялся. Конечно, это моя вина, что я не проводил его после нашей беседы до его комнаты и не проследил, куда он направился...

– Странно! Неужели он сразу решился на повторную попытку уйти? Вряд ли! Ведь он понимает, что ему без паспорта билет на карельский поезд не купить, а ехать зайцем – опасно! Скорее всего, просто решил где-то отсидеться и придумать что-то. Жалко! А ведь мы соби-

рались ему помочь! Предложить вместо измены Родине послужить ей за границей. Ну что ж, пусть теперь сам мучается. Ведь его наверняка поймают на границе – не наши, так финны... Вот что, капитан, нужно как можно скорее размножить его фотографию и раздать проводникам карельских поездов, с соответствующим строгим внушением... Хотя если он сразу же от вас отправился на вокзал, то уже поздно! Он в пути. На всякий случай свяжитесь с ребятами из Карельского управления КГБ – пусть организуют проверку пассажиров в поездах, отправленных из Москвы сегодня утром. Всё, выполняйте! Будут новости – немедленно докладывайте!

– Есть, товарищ полковник! – Блондин, стоявший всё это время по стойке смирно, развернулся на каблуках и выскочил из кабинета.

КРЫСАНОВ

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидел улыбающуюся Нину. Она показалась мне очень красивой. Поезд вовсю стучал колесами.

– Хорошо поспал?

– Как будто провалился куда-то. А сколько сейчас времени?

– Да уже второй час! Я несколько раз тебя проверяла, но ты спал как убитый! Жалко было будить. Видно, всю ночь не спал?

Я вылез из багажника. День был солнечный, а в приспущенное окно летел теплый воздух.

В купе проводников была раковина. Я умылся, почистил зубы и попил воды из графина.

В животе бурлило от голода – оказывается, я проспал семь часов.

– Где мы сейчас едем?

– Скоро уже Волхов, и до него нужно успеть поесть! Тут у меня есть бутерброды и окрошка из дома.

– А у меня есть тушенка.

– Ты ее пока побереги, может пригодиться.

Нина заварила чай, и мы сели обедать, обмениваясь сведениями о себе. Я вспоминал смешные случаи из своих экспедиций. Оказалось, что Нина тоже была в экспедиции на Телецком озере. Она родилась в Звенигороде и после окончания школы в течение года работала там на базе биологического факультета МГУ, а потом и поступила на биофак, но ее отчислили с третьего курса, по официальной версии – за неуспеваемость.

– На самом деле меня отчислили за то, что я отказалась стать любовницей одного преподавателя, – объяснила она. – После этого он стал постоянно ставить мне неуды на зачетах. Я пошла в деканат и обрисовала им ситуацию. Но меня почему-то стали очень просить, чтобы я нигде не распространялась на эту тему, а они назначают другого преподавателя – и всё улажится. Видимо, им по каким-то причинам не хотелось конфликта с этим подонком. Но время шло, ничего не улаживалось, другого преподавателя мне не назначали. Тогда я на очередном комсомольском собрании курса взяла слово и рассказала всю эту историю. Поднялся скандал, вмешались комсомольские боссы не только из университета, но и из Москвы... В результате меня – меня! – вышибли из комсомола и, естественно, из университета с такой характеристикой, что я не могла никуда поступить. И устроиться на приличную работу было невозможно! Вот я и пошла на курсы проводников. Теперь уже почти два года работаю проводницей. Здесь я всем рассказала, что у меня есть жених, с которым мы скоро поженимся, и ко мне, слава богу, не привязываются.

– Я слышал про эту историю. Это было года три назад...

Поезд приближался к Волхову. Мы закончили наш обед, и Нина пошла провожать и встречать пассажиров. Задержав на всякий случай занавеску, я помыл в раковине ложки, тарелки, забрался в багажник и стал думать о ней: «Какая классная девка! В такую и влюбиться можно!.. Но эти мысли нужно выкинуть из головы. Нашел время! И даже нечего морочить

себе голову! Хватит с меня одной „несчастной любви“!». И я вспомнил события двухлетней давности.

* * *

Тогда я возвращался с практики самым последним из факультета. В деканате из сводок руководства экспедиции знали, что задержался я не по своему желанию – нужно было доделать работу. Большая часть экспедиции уже возвратилась в университет, а наш отряд всё еще заканчивал свой участок.

Там, в Якутии, вдали от всяких признаков человеческого жилья, наступившая зима казалась очень суровой, а тайга – беспредельной. Тишина подавляла все мысли о жизненных проблемах, но не тоску по московской жизни, по друзьям.

В Москве температура была около нуля. По дороге из аэропорта Внуково город казался совсем непохожим на тот, к которому я привык. Впрочем, так было каждый раз, после возвращения из экспедиций после трудного лета.

Через полчаса увижусь со своими друзьями! Последний месяц я не писал им, каждый раз надеясь, что уже через неделю приеду. Но ежедневные метели, заполнившие тайгу, заносили палатки сухим, колючим снегом, и мы всё ждали, ждали, когда же, наконец, выдастся погода, чтобы закончить последний участок работ.

Теперь же наступившее спокойствие от завершения пути домой и ожидание предстоящей встречи создавали хорошее настроение.

На главном входе университета вахтерша вначале подозрительно осмотрела мою потрепанную одежду, разбитые сапоги, клокастую рыжую бороду, но затем узнала, и ее лицо сразу подобрело. От этого стало еще приятнее.

– Откуда ты такой?

– Из экспедиции.

– Из Сибири?

– Да.

– Ну иди, отдыхай!

Вестибюль, как всегда, был заполнен снующими студентами. Я остановился на верхней ступеньке лестницы, ведущей в актовый зал, и среди непрерывного потока людей внизу разглядел несколько знакомых лиц. Наконец-то дома!

У лифта меня сразу окружили несколько парней с нашего курса. Поговорили об экспедиции. Ребята рассказали о слухах, будто я погиб, – но потом выяснилось, что погиб не я, а парень из другой экспедиции.

Поднялись на десятый этаж. Оказалось, что Заур живет в блоке 1005 в правой комнате, а мы с Борисом – в блоке 1016³.

Едва я приоткрыл дверь Заурова блока, как понял, что у него в комнате полно народу. Слышались голоса и брэнчание гитары. Я зашел в душевую, попил холодной воды из-под крана и посмотрел на себя в зеркало – вид просто дикий!

Женских вещей в душевой не было видно.

«Заур ведет скромный образ жизни? С чего бы это?»

Я открыл дверь правой комнаты. В дыму пестрела какая-то женская публика. Потом увидел Бориса и Натана. Заур сидел спиной к двери.

³ Поскольку здание МГУ строилось заключенными, то за его корпусами закрепилось название «зоны» (А, Б, В и т. д.). Жилые зоны, то есть общежития студентов, делились на «блоки». В каждом блоке, оснащенном душевой и туалетом, тогда было по две «одиночки» («правая» и «левая»), обставленных стильной мебелью, изготовленной в городе Таллине (диван-кровать, письменный стол, книжный шкаф, секретер, платяной шкаф).

– Кто-нибудь даст мне сигарету? – спросил я будничным тоном, будто только что ненадолго отлучился из комнаты.

– Сэр приехал! – заорал Заур, вскочив со стула, и обнял меня. Натан тоже подскочил и, бурно выражая свою радость, изо всех сил двинул меня кулаком по спине:

– Живой! Когда мы вернулись, то уже выпили за упокой твоей души. Кто-то принес новость, что ты погиб.

– Я уже слышал об этом!

Даже флегматичный Борис выказал заметное оживление, потеряв руки.

Из четырех присутствующих девушек я знал только Таню, студентку филологического факультета, – мою постоянную партнершу по рок-н-роллу. Две девушки были незнакомые, но красивые, причем одна – очень красивая! Она мне сразу понравилась. Третья – довольно пухленькая, но приятная.

– Ира Кулик, – представилась первой высокая брюнетка. Она была на голову выше меня.

– Ира Смольская, – сказала самая красивая. – Мы много слышали о вас.

– Галя, – сказала пухленькая и улыбнулась так радостно, что сразу похорошела.

– Владимир. Прошу любить! – ответил я им всем вместе.

– Чаю, сэр? – предложил Заур.

– Можно и чего-нибудь покрепче. Открой-ка рюкзак!

Заур достал из рюкзака водку и кусок копченой оленины. Потом принялся:

– Чем это воняет из твоего рюкзака?

– А, это шкура дикого оленя, которого я убил. Я засолил ее, а теперь буду обрабатывать.

– Это где же ты собираешься ее обрабатывать? – забеспокоился Борис. – Не в нашем ли блоке?

– Да ладно, не переживай, вонять она будет только дня три, потом я ее отскребу, и запах исчезнет, а шкура будет мягкой.

– Ну-ну! Посмотрим, – недоверчиво протянул Борис.

Пока Заур готовил стаканы и закуску, Борис рассказывал про экспедицию на тральщиках из Советской Гавани, где они с Зауром занимались гидроакустикой.

– Когда вы вернулись?

– Месяц назад. Я слышал, что ваша экспедиция открыла месторождение золота.

– Да нет, мы только профилирование закончили. Результатов пока еще никаких. А те, кто говорит, будто открыли месторождение, просто выследили известного в Якутии золотоискателя дядю Гришу и нашли золото по его стопам.

Я разлил водку по стаканам.

– Что ж, красавицы, выпьем, и я вас покину, потому как дядя устал...

Уже находясь в дверях, я услышал женский голос:

– А в какой комнате вы живете?

Обернувшись, я встретился взглядом с красивой Ирочкой, которая, игриво улыбаясь, смотрела на меня.

От неожиданности вопроса я даже несколько смутился, что мне тогда было несвойственно.

– В шестнадцатом блоке, направо. Всегда добро пожаловать на рюмку чая!

– Ловлю вас на слове! – прошептала Ирочка, слегка покраснев. Ввалившись в свою комнату, я, не распаковывая, бросил в угол рюкзак, принял душ и, едва добравшись до кровати, провалился в глубокий сон.

Меня разбудил стук в дверь. Было уже темно.

«Странно, кто это стучит? Дверь-то не заперта», – подумалось спросонья.

– Входите!

В дверном проеме показался женский силуэт.

– Это я, Ира, извините, что разбудила. Я не думала, что вы спите. Я пойду.

– Да ладно, заходи, раз пришла. Я очень даже рад! Сейчас чайку попьем, – засуетился я, натягивая в темноте брюки.

Но тут случилось неожиданное. Ирочка подошла ко мне, обняла за шею и поцеловала долгим нежным поцелуем...

«Вот так подарок!» – подумал я, не веря в реальность происходящего...

Утром нас разбудил ворвавшийся в комнату, как всегда жизнерадостный Заур, у которого от неожиданности так вытянулась физиономия, что мы расхохотались.

– Дорогой Заур! Познакомься. Это моя невеста Ирина. Мы просим тебя быть свидетелем на нашей свадьбе, – произнес я с напускной торжественностью.

Заур наконец пришел в себя, заулыбался и так же торжественно ответил:

– Ну что ж, я согласен!

После чего пулей выскочил из комнаты – разносить новость по университету.

Как я вскоре понял, моя «невеста», ярославская красавица Ирочка Смольская, занимала главенствующее положение среди своих шести приятельниц-«филологинь», подружившихся с нашей геологической компанией. В то время все восхищались французской актрисой – красавицей Брижит Бардо, и Ира Смольская со своей прической бабетта чрезвычайно походила на нее. Разумеется, все ребята были в Ирочку влюблены и по очереди пытались за ней ухаживать. Хитрая девица успешно этим пользовалась, но старалась никого не выделять, чтобы другим не было обидно!

Этим и объяснялось такое удивление Заура – наверняка тоже одного из претендентов на благосклонность красавицы.

Никакой свадьбы, конечно, не последовало, но мы почти ежедневно встречались и были счастливы три месяца, пока я не уехал на каникулы проведать родителей – отец тяжело заболел.

Вернувшись через две недели, я с удивлением узнал, что моя Ирочка... живет с парнем из нашей компании – и они уже подали заявление в ЗАГС!

Я был в шоке и ничего не понимал! Когда же попытался получить от Ирочки какие-то объяснения, она только пожала плечами и загадочно улыбнулась.

Я вспомнил, как от всех этих переживаний у меня даже начались боли в области сердца и я с перепугу стал принимать сердечные лекарства. Усугублялась моя трагедия еще и тем, что, будучи в одной компании, мы регулярно пересекались с Ирой и ее новым женихом на совместных застольях, что регулярно подсыпало порцию соли на мою душевную рану...

Под эти воспоминания я незаметно снова задремал.

* * *

– Вставай, соня! – услышал я голос Нины. – Поможешь мне налить чай для пассажиров. Я всем разболтала, что у меня сегодня нет напарницы и мне помогает брат. Так что от пассажиров можно не прятаться, а контролеров до Петрозаводска не будет. Только что прошли здесь.

– Могла бы сказать, что я твой жених. Тогда бы никто не удивился, застав нас целующимися, – сказал я как бы в шутку, но почему-то очень волнуясь. Нина это сразу заметила и, внимательно посмотрев мне в глаза, спросила тихим голосом:

– А ты что, хочешь поцеловать меня?

– Конечно, хочу! Хотя я пока и не жених! – Я всё еще пытался сохранять шуточный тон, но у меня это плохо получалось. Нина мне нравилась всё больше и больше. Это было совершенно некстати, но я ничего не мог с собой поделать!

– Ну... поцелуй!

Сердце у меня забило, я осторожно обнял ее и мягко поцеловал в губы. К моему удивлению, она ответила на поцелуй и тесно прижалась ко мне.

– Давай потом, – сказала она, улыбаясь, – когда пассажиры утомятся.

Я помог разнести чай. К этому времени солнце уже заходило.

– Пойду договорюсь с бригадиром, чтобы меня подменили на несколько часов, а то вдруг он сам сюда зайвится. Скажу, что мне нужно поспать. А ты на всякий случай спрячься. Я запру дверь.

Нина пришла минут через пятнадцать.

– Вылезай! – сказала она, откинув сиденье.

Мы подъезжали к какой-то станции. Нина проводила и встретила очередных пассажиров. Прошла по всем купе и сообщила, что у них некоторое время будет другая проводница из соседнего вагона, а она должна поспать – и чтобы ее не тревожили.

– Ну, всё в порядке! Меня подменят до Медвежьегорска. У нас есть пять часов. А теперь давай поедим. – Оказалось, что она принесла макароны по-флотски в судке.

Нина достала тарелки и вилки, потом открыла аптечку и вынула оттуда две рюмки и начатую бутылку армянского коньяка.

– Ну что, как говорится, со свиданьем! – наполнив рюмки, сказала она, весело подмигнув мне.

– За нашу встречу! Хотя у меня сейчас такое чувство, будто я тебя давно знаю!

Мы выпили еще по рюмке и закончили наш ужин. Я помыл посуду. Нина постелила постели и начала раздеваться.

Когда она сняла форменную куртку и блузку, я подошел сзади и, обняв, поцеловал ее в шею. Она повернулась, сняла с меня очки и, прижавшись ко мне, сама стала целовать меня в губы, в глаза... Потом мы помогли друг другу быстрее раздеться и, обнявшись, буквально слились друг с другом...

Эти оставшиеся часы до Медвежьегорска были наполнены необыкновенной близостью между нами. Мне очень не хотелось думать, что всё это скоро закончится.

Но раздался стук в дверь, и проводница, сменявшая Нину, сказала, что она уходит. За окном было темно. Нина вышла проверить обстановку и вскоре вернулась.

– Все заснули, даже те, кто вошел сейчас. Давай выпьем чаю. Теперь остановки пойдут часто, и у нас будет мало времени.

Между остановками мы сидели, прижавшись друг к другу, и говорили мало. Не хотелось нарушать возникшее между нами чувство ненужными словами. Начинался рассвет. Мне оставалось ехать часов семь.

– Ты поспи еще немного под сиденьем. Здесь недалеко пограничная зона, и контроль бывает неожиданно. У тебя документы в порядке?

Мне было так хорошо с Ниной, будто я действительно знал ее много лет. Поэтому мне не хотелось что-то скрывать от нее.

– У меня нет паспорта. Только университетские документы да свидетельство о рождении.

– А где же паспорт?

– Остался в Москве у кагэбэшников. Поверь, я не преступник, но с КГБ у меня нелады.

– У меня сердце чуяло, что с тобой не всё просто! Но я не хочу думать о тебе плохо. Ты мне очень нравишься. У меня такого чувства еще ни к кому не было!

– И мне ни с кем не было лучше, чем с тобой!

Поезд начал тормозить. Нина вышла после того, как я залез под сиденье, и долго не появлялась; поезд теперь останавливался очень часто – наверное, через каждые пятнадцать минут.

После неожиданно возникшей между нами близости меня всего корежило от мысли, что мы скоро навсегда расстанемся. Но пути назад теперь нет. Если я вернусь, за меня возьмутся по полной программе.

И мне снова пришла мысль о Вилли. Только он знал о Ленинградском вокзале. Конечно, я видел, как вели Заура. Но так быстро они не могли получить от него сведений. Наверняка за мной следили еще до его ареста. Слежка КГБ могла быть объяснена только одним: Вилли рассказал о нашей попытке побега, и они ждали, когда я решусь на следующую. А Заура арестовали из-за чего? Ведь его вели оперотрядчики, а не кагэбэшники. Нет, Заур здесь ни при чем! Остается только Вилли. Это значит, что меня уже ищут в этом направлении.

ВИЛЛИ

Мы с Володей решили уходить сразу после майских праздников. Был выбран кратчайший маршрут – на поезде до Кандалакши, оттуда пешком до финской границы, а потом – до границы со Швецией. Крысанов считал, что мы доберемся до финской границы дней за семь-восемь.

Я взял в институте отпуск на неделю за свой счет, чтобы меня не искали, а родителям, с которыми жил в одной квартире, сказал, что уезжаю к друзьям на дачу. Володе было проще – ему не надо никого предупреждать! Он только что защитил с отличием диплом и до отъезда осенью в Тюмень был свободен.

Дня три мы бегали по магазинам и покупали продукты в дорогу из расчета на десять дней пути, полагая, что по Финляндии до шведской границы будет добираться уже проще. Если не удастся на чем-нибудь доехать, то там наверняка можно будет покупать продукты по дороге в магазинах, изображая американских туристов. Для этого у нас было с собой немного долларов.

На Ленинградском вокзале мы сели в проходящий ночью поезд Адлер – Мурманск и без проблем доехали до станции Кандалакша.

Сначала всё шло хорошо. Мы довольно резво шли по редкому полярному лесу на запад, почти не встречая водных препятствий, которых так много в южной части Карелии. Опасность заключалась в том, что всё время было светло – в этих широтах уже наступил полярный день – и нас легко могли обнаружить. Но нам везло. Никаких людей мы не встречали. На вторые сутки, когда отшагали уже километров пятьдесят, я вдруг почувствовал, что очень устал. К тому же я натер ногу, и мне стало трудно идти. И вдруг я ясно понял, что не дойду! Во мне как-то сразу резко пропала вера в успех нашего побега.

Вечером на очередном привале я сказал Крысанову, что плохо себя чувствую, дальше идти не смогу и считаю, что нужно вернуться, пока нас не поймали, а то будет поздно. Володя стал убеждать меня, что это пройдет – надо только перетерпеть, обещал, что пойдем медленнее, и даже переложил часть продуктов из моего рюкзака в свой, чтобы мне было полегче.

На третий день пути я так устал, что был близок к помешательству и уже ничего не соображал. Видно, у меня еще поднялась температура, и я стал, как в бреду, постоянно просить Крысанова повернуть обратно.

На очередном привале, после которого я уже не мог подняться, он наконец понял, что с таким настроением идти со мной дальше бесполезно, но и бросить меня не мог! Ведь он наверняка понимал, что я погибну, если пойду обратно один.

«Дурак! – ругал я себя. – Как я вообще решил на этот побег? Ведь я никогда не ходил ни в какие походы в отличие от Крысанова, который всё детство провел в тайге, а все студенческие каникулы – в экспедициях. Собрался пройти пешком более двухсот километров через безлюдную территорию, без подготовки! Идиот!»

Когда мы приняли решение возвращаться, я так обрадовался, что у меня, на удивление, откуда-то появились силы идти – и я даже перестал чувствовать боль в ноге. Через три дня пути мы сели в поезд на той же станции Кандалакша и вернулись в Москву.

Всю дорогу домой я молчал, чувствуя свою вину, а Крысанов и не приставал ко мне – видимо, философски заключив: всё, что ни делается, – к лучшему!

Когда я появился дома после восьмидневного отсутствия – грязный, похудевший и изможденный, – рассказ о том, что я был у друзей на даче и заблудился в лесу, успеха не имел.

Отец мой – старый разведчик – сразу почувствовал, что дело серьезное, устроил мне настоящий допрос, и уже через пятнадцать минут я, не выдержав, подробно рассказывал ему о своих приключениях, клялся, что больше это не повторится, что я по своей глупости стал жертвой агитации Крысанова.

– А как ты думаешь, твой друг попытается еще раз повторить свой подвиг?

– Об этом мы не говорили, но мне кажется, что он вряд ли отступится от своего решения.

– Ладно, иди отдыхай!

Утром, зайдя ко мне в комнату, отец произнес тоном, не допускающим возражений:

– К 11:00 подъедешь на Лубянку, в бюро пропусков – там на тебя будет заказан пропуск к полковнику Годовикову. Всё ему подробно расскажешь – как мне рассказал, а дальше будешь делать то, что он велит. И без глупостей!

Уходя, отец обернулся, посмотрел на меня и, постучав пальцем по виску, устало произнес:

– Ну ты и дурак!

* * *

Полковник оказался крупным мужиком с круглым добрым лицом. В своем мешковатом сером костюме он был совсем не похож на сурового сотрудника КГБ, каким я по дороге сюда его представлял.

– Ну, садись, рассказывай всё по порядку, искатель приключений, – кивнул он на стул у приставного столика.

И я с испугу зачем-то рассказал обо всем, начиная со дня знакомства с Крысановым, – про шведов, про рестораны, про все наши разговоры...

Полковник молча слушал меня с доброй улыбкой на лице, иногда кивая головой, будто общался с интересным собеседником.

Когда я дошел до рассказа о побеге, он подошел к большой карте на стене и попросил показать наш маршрут.

– Так почему вы вернулись? Ты сдрейфил?

Тут я решил немного схитрить и ответил:

– Нет! Просто на второй день я понял, что совершаю глупость – подставляю отца, свою семью. И мне вдруг действительно стало страшно за них. Володе я не мог в этом признаться. Сказал, что очень устал, натер ногу и дальше идти не могу. Я знал, что он меня не бросит, и мы вернулись.

– А что, этот Володя был решительно настроен на побег?

– Да, он просто одержим идеей уйти за границу!

– И куда же он собрался?

– В Швецию, а потом в США.

– А как вы собирались границу переходить?

– Володя сказал, чтобы я не заморачивался на этот счет, что он всё продумал, – у него был какой-то план.

– А он-то не устал? – спросил полковник, внимательно разглядывая карту. – Ведь вам только до границы с Финляндией нужно было еще топтать километров сто пятьдесят.

– Я думаю, что для него это привычно. Ведь он родился в Сибири и рассказывал, что с детства по несколько дней охотился в тайге. А кроме того, он же геолог, на практике ходил в разные экспедиции...

– Скажи, пожалуйста, а что твой друг – собирается ли сделать еще одну попытку уйти? Он тебе не говорил?

– Не знаю, на обратном пути он был очень злой, и мы почти не разговаривали. Но я думаю – он обязательно попробует еще раз. Он очень был настроен!

– Ладно, вот твой пропуск. Пока свободен! – полковник перестал улыбаться. – Нужен будешь – вызовем. Привет отцу передавай.

Из кабинета я вышел на ватных ногах, не веря своему счастью, – на свободе! Хотя, если разобраться, что я такого противозаконного сделал? Ну, походили немного по тундре с рюкзаками, да и вернулись. Ведь к границе мы даже и не приблизились! Может, и не стоило отцу всё рассказывать? Придумать надо было что-нибудь экзотическое! Хотя отец всё равно бы расколлот! А полковнику я зря про Володькины планы рассказал – теперь они к нему прицепятся и будут за ним следить. Сволочь я последняя! Как я буду теперь смотреть ему в глаза? А может, всё и обойдется? Володя раздумает бежать, уедет в Тюмень – и происшествие забудется, как дурной сон!

Но – не обошлось! Утром мне позвонил человек, представившийся капитаном Прохоровым, предложил встретиться через час и продиктовал адрес квартиры, куда я должен приехать.

Всё повторилось как при встрече с полковником. Я подробно рассказал капитану о своих отношениях с Крысановым начиная со дня знакомства, о нашей попытке побега. Потом пришлось подробно отвечать на многочисленные вопросы, которые, как мне казалось, к делу не относились!

В заключение я подписал какую-то бумагу, от волнения даже не прочитав, что там написано.

После этого капитан строгим голосом произнес:

– Ваше первое задание, товарищ Туманян: вы должны продолжать поддерживать дружеские отношения с Крысановым. Когда узнаете, что он опять собрался бежать, – немедленно сообщите мне вот по этому телефону. Постарайтесь точно установить дату, с какого вокзала он намеревается стартовать и маршрут его «путешествия». Всё ясно?

– Ясно! – ответил я, с отчаянием поняв, что назад у меня пути нет.

– Надеюсь, вы понимаете, что о нашем разговоре никто не должен знать, даже ваш папа?

КРЫСАНОВ

Я не заметил, как уснул. Когда Нина разбудила меня, было уже девять часов утра. На столе стоял завтрак. Облака бежали вместе с поездом, а деревья – назад. Я принялся за еду. Нина села рядом.

– Я думала о тебе, пока ты спал. Ты, наверное, идешь в Финляндию? Без паспорта здесь, в Карелии, и недели не проживешь.

– Да, я попытаюсь.

– Почему? Что ты сделал?

– Это долгая история! Но если вкратце, то я не хочу жить в стране, где с человеком запросто так могут сделать что угодно! Например, выгнать, как тебя, из университета или посадить за «неправильные» мысли без всякого суда...

– А как же я? Я так обрадовалась нашей встрече!

– Это большая боль и для меня тоже. Я счастлив, что встретил тебя, и расставаться с тобой мне очень жаль. Но остаться я не могу!

Я коротко рассказал ей о событиях последних двух дней, о том, что меня, наверное, уже ищут именно на этой дороге. Она слушала меня, и глаза ее были полны слез.

Снова подъехали к остановке. Она очень крепко обняла меня.

– Под сиденье! И не вылезать, пока я не открою!

Спать я не мог. В голове была полная сумятица. Останавливались еще на двух станциях, а Нина всё не приходила. Правда, перегоны были короткие, меньше получаса.

Поезд в очередной раз остановился. Послышались голоса. Я отчетливо слышал разговор. Значит, дверь в купе открыта.

– А где ваша напарница? – спросил мужской голос.

– Я сегодня одна. Напарница заболела перед самым отправлением, и замену не успели дать, – ответила Нина. – Но мне девочки из соседнего вагона помогли, так что я поспала часа три. А теперь уж не удастся отдохнуть до самого Мурманска. Говорят, что оттуда будет напарница.

– Ну, пока! Мы еще увидимся до Мурманска, – сказал мужчина. Я всё ждал, что последует вопрос про «брата», который помогал разносить чай, но он, почему-то не спросил. Видно, никто из сонных пассажиров об этом не рассказал.

Было слышно, как вошли пассажиры и закрылась дверь вагона. Нина показала им места. Поезд тронулся. Она вошла в купе и защелкнула за собой дверь, потом села на сиденье, подела, встала и подняла его.

– Ну, дорогой мой, ты как в воду глядел. Вместе с контролерами был еще один человек в штатском, который только рассматривал пассажиров и проверял багажные полки. Им осталось пять вагонов проверить. Они еще будут в поезде, когда тебе надо будет выходить. Лоухи через одну остановку, а это меньше часа. Может быть, ты поедешь дальше, а потом вернешься другим поездом?

– Нет, это ничего не поменяет. Они будут ехать до конца. Им нет резону выходить на маленькой станции. В Лоухи много народу сходит?

– Из моего вагона только трое. Подожди, послушай, что я придумала. Мы останавливаемся на втором пути, но там есть еще два. На них обычно стоят грузовые вагоны, а за путями какая-то фабрика. Если я открою дверь на другую сторону, ты сможешь сразу пробраться между вагонами в сторону фабрики. Люди ходят этим путем на работу из поселка, чтобы кругом не обходить. Сразу за фабрикой лес. Это, конечно, противоположно твоему пути, но зато безопасней – у вокзала иногда проверяют документы.

– Так и сделаем! Будь что будет! В случае чего – ты меня никогда не видела. А теперь ты выпустишь меня?

Я вылез из-под сиденья, и мы обнялись.

– Мне так страшно! – сказала Нина. – Ведь я тебя больше никогда не увижу!

– Как я могу связаться с тобой? Ты где живешь?

– В Москве – у тети Валерии. Это сестра моего папы.

– Скажи мне ее телефон. Если я пройду, тебе кто-нибудь позвонит. Помнишь, я тебе рассказывал о Жозефе и Жозефине Клячкиных из моей экспедиции? Так они тебе и представятся: Жозефина или Жозеф – твои однокашники по биофаку. Ты будешь знать, что это от меня. Дальше что-нибудь изобретем. А если не пройду, то так тому и быть. Запомнила?

Нина продиктовала мне номер своего телефона.

– Не забудешь?

– Не забуду.

Поезд начал тормозить. За окном помрачнело. Нина закрыла окно.

– Прячься. Я запру дверь.

Лежа под сиденьем, я слышал, как рядом затормозил другой поезд и спустя две-три минуты снова тронулся.

Нина вошла в купе и выпустила меня.

– Этот в штатском остался здесь!

– Ты уверена?

– Конечно! Он сел в обратный поезд. – Она начала расстегивать мою рубашку. – Давай скорей! У нас всего сорок минут...

Когда мы снова оделись, до моей остановки оставалось всего минут пятнадцать.

– Такого подарка на день рождения у меня никогда не было! – сказала Нина, покачив головой.

– У тебя сегодня день рождения?

– Да, двадцать пять.

– А мне тебе и подарить нечего. Подожди!

Я покопался в рюкзаке и достал документы. Среди них была моя фотография.

– Спрячь!

Потом я вынул из кармана все деньги и мелочь.

– Мне не нужны твои деньги!

– А мне они зачем? Купи что-нибудь от меня на память.

Мы еще немного постояли, обнявшись и целуя друг друга. Поезд начал замедлять ход.

– Только выходи не сразу – подожди, пока другие выйдут. Я тебе скажу, когда.

Я затащил рюкзак и надел его на плечи. Мы обнялись в последний раз, и Нина вышла провожать пассажиров. Поезд остановился. Пассажиры вышли. В вагон сели только двое. Вошла Нина.

– Ну, прощай! Путь свободен.

– Ниночка, дорогая! У меня такое чувство, будто я вытащил счастливый билет! И этот билет – ты! Надеюсь, благодаря этому билету мне и дальше повезет! Спасибо тебе за всё!

Я быстро выскочил из вагона в сторону, противоположную станции, обогнул стоявший на соседнем пути вагон и под его прикрытием пошел через пути к лесу. Там виднелась дорога куда-то за фабрику. Я пересек ее и вошел в редкий лес, поросший кустарником. Шел крупный дождь – и светило солнце.

3. Через реки и болота (Из путевого дневника Крысанова)

3 АВГУСТА 1965 ГОДА

Мокрые кусты осыпали меня брызгами, но надо было отрываться от станции как можно скорее. Дождь был мне на руку – вряд ли кто-то сейчас захочет побродить по лесу!

Вскоре я наткнулся на разбитую лесовозную дорогу, по которой явно давно никто уже не ездил. Она шла на север, вдоль железной дороги, и я свернул на нее. Минут через десять ходьбы по этой дороге я неожиданно натолкнулся на старый дом, рядом с которым стояло несколько сараев. Залаяла собака. Я резко взял влево, обратно к железной дороге, и оказался на краю болота. Еще раз влево, и я попал в кустарник около насыпи. Поселок Лоухи был совсем рядом. Я отошел от него не более полутора километров. Вдоль железнодорожной насыпи тянулась тропа. Я быстро пошел по ней, а когда болото осталось позади, снова свернул вправо от железной дороги в лес.

Отойдя от насыпи метров сто, я сел на трухлявый пень и стал размышлять, что делать дальше. Но вместо обдумывания пути непроизвольно начал вспоминать Нину. Мне стало невыносимо грустно и одиноко.

Время перевалило за полдень. Дождь прекратился, но стало парить; с запада шли низкие облака. Я решил не удаляться глубоко на север, чтобы обойти Лоухи, а как можно скорее повернуть на запад. Нужно только незаметно перейти железную дорогу и как-то обогнуть поселок по опушке леса.

Поездов не было слышно. Я вернулся к железной дороге, осторожно поднялся по насыпи и быстро перескочил через пути на другую сторону, заросшую кустами. Пройдя немного вдоль путей обратно на юг, я очутился у однопутной железнодорожной ветки, идущей от станции Лоухи на запад. Рельсы были ржавые, между ними росли мелкие кустики и трава. Невысокая насыпь тоже заросла. Оглядевшись, я увидел дома и сараи прямо на моем пути, нырнул обратно в кустарник и стал уходить на север. Дошел до довольно чистого сосняка и опять повернул на запад. Слева был слышен лай собак. То и дело я наткался на мусор, оставленный людьми: обрывки бумаги, развалившийся шалаш, куски толя. От страха быть замеченным я побежал.

Вскоре дорогу мне перегородило болото. Оно расширилось на север, и его надо было обходить с южной стороны. Слишком близко к поселку, но что поделаешь! Я опять вышел к той же однопутке. Она пересекала ручей, впадавший в болото. Я решил, что здесь, наверное, будет много болот – ведь местность равнинная, а потому лучше держаться ближе к этой железной дороге и переходить болота по ее насыпи.

Я осмотрел рельсы, они были очень ржавые. Если по ним и ходят поезда, то нечасто. Конечно, вероятность встретить на этом пути людей возростала, но мне хотелось поскорее отойти от поселка, не уходя слишком далеко на север.

Пройдя через болото по насыпи, я снова зашел в лес и пошел параллельно железной дороге. Под ногами были мох и мелкие кустики черники и голубики. Шагалось легко. Мои хоть и новые, но уже достаточно растоптанные туристические ботинки сидели на ноге хорошо.

Я купил их недавно на ярмарке в Москве. Это были крепкие чешские ботинки на толстой, глубоко рифленой подошве. Таких ботинок нигде в Советском Союзе не найдешь, и поэтому очередь была невероятная, но я отстоял три часа, а когда подошел к прилавку, то осталось только с десятков пар. К счастью, одна пара оказалась нужного мне размера. Я даже мог надеть довольно толстые носки. Кстати, на мне не было никакой одежды советского производ-

ства. Клетчатая рубаша из тонкого сукна – тоже чешская. Польские брюки из прочного полотна цвета хаки словно специально сделаны для туристических походов. Комары не прокусывали эту ткань. А комаров здесь была тьма. Они кусали уши, голову.

Я отошел уже километров на шесть от станции Лоухи. Внезапно мне очень захотелось есть. Остановившись у ручья, я достал из рюкзака банку тушенки, сухари, зачерпнул кружкой воды из ручья, открыл ножом банку. Размачивая сухари в кружке, быстро съел тушенку и закурил сигарету. В горячем виде эта тушенка, конечно, лучше, но у меня не было времени разводить костер и греть ее.

Потом я решил переупаковать рюкзак так, чтобы он лучше прилегал к спине. Вынул ружье, собрал и зарядил его. В гладкий ствол вставил патрон с картечью. Вынул куртку. В ее рукаве был спрятан небольшой русско-английский и англо-русский словарь. Внутри словаря лежала сложенная в гармошку калька. При подготовке к побегу я проводил много времени в геодезическом кабинете географического факультета, изучая подробные топографические карты этого района, и украдкой переснимал на кальку основные детали моего маршрута: населенные пункты, озера, вершины холмов, дороги. Какая удача, что кагэбэшники не обшмонали мой рюкзак дотошно! Если бы они нашли эту кальку, мне была бы хана!

Кроме того, в корешке словаря был спрятан листок бумаги с телефонными номерами шведских студентов. Вынув его, я записал туда же телефон Нининой тети. Затем достал из рюкзака пилотку подводника, которую привез из последней экспедиции, и надел ее. Переложил компас из рюкзака в карман. Пока светит солнце, он мне не нужен, но облака всё больше затягивали западную часть неба.

По прямой до границы Швеции пятьсот с лишним километров. Если учесть все изгибы пути, обходы и подъемы, то мне, наверное, нужно пройти не менее тысячи километров. На такой широте в это время года ночью не бывает полной темноты. Только густые сумерки – часа на три. Поэтому идти можно хоть круглосуточно; реально же я, наверное, смогу быть в пути часов восемнадцать в день, проходя в среднем по пять километров в час. Готовить пищу на костре буду вечером.

Закопав в мох банку из-под тушенки, я отправился дальше. Мой путь шел по невысокой гряде, поросшей сосновым лесом. Валежника было мало, а подлесок состоял только из низких кустиков, поэтому идти было нетрудно. Попадались ручьи, через которые я легко перепрыгивал. Но часа через два гряда начала вылаживаться, появились большие кусты, а почва под ногами стала влажной.

Вскоре я вышел к озеру шириной с километр, и тянулось оно в направлении с востока на запад. Двигаясь вдоль него, я увидел через прогалины в лесу насыпь всё той же одноколейки. Но у меня не оставалось выбора – придется, сколько возможно, идти между озером и железной дорогой.

Населенных пунктов здесь не было, но попадались старые кострища. Раза три я пересек тропинки между одноколейкой и озером. Иногда были слышны проезжавшие мимо грузовики. Значит, рядом с одноколейкой проходит автомобильная дорога.

Я посмотрел на снятую с карты кальку и понял, где нахожусь. Где-то близко должна протекать широкая и глубокая река Кереть, которая втекает в это озеро. Пересечь ее можно только по железнодорожному или автомобильному мосту.

Осторожно продвигаясь вдоль берега озера, я действительно вышел к железнодорожному мосту через широкую реку, который находился в полуразвалившемся состоянии. Метрах в трехстах к югу от него виднелся и автомобильный мост.

На берегу валялись какие-то железобетонные балки и шпалы, которые были завезены явно для ремонта моста. Вероятно, их привезли недавно, так как они еще не заросли травой и кустами. Железнодорожная насыпь доходила до середины реки, а дальше мост поддерживали

свай. Расстояние до этих свай выглядело приличным. После свай рельсы до другого берега слегка провисли. Видимо, на том участке моста обрушился настил.

Пока я рассматривал железнодорожный мост, по шоссе прошел грузовик, а за ним – небольшой автобус. Я сидел и думал: что же делать? Лучше всего было бы дожидаться вечера и перейти реку по автомобильному мосту в сумерках. Ночью здесь вообще не должно быть движения. Но до заката оставалось еще часов семь, и жалко было терять столько времени, к тому же комары и мошка донимали неимоверно.

Я решил рискнуть и перебраться через реку по железнодорожному мосту. Чтобы пройти открытую часть железной дороги до реки, мне нужно минут пять спокойной ходьбы. Для маскировки на всякий случай можно изобразить из себя рыбака.

Я пошел обратно вдоль озера, нашел тонкую иву, срезал ее и очистил от веток. Получилось удилище метра четыре длиной. После этого я разобрал ружье и убрал его в рюкзак, чтобы оно не мешало при переходе.

Во время всех этих приготовлений по автомобильному мосту прошло всего несколько машин. Движение-то редкое, но угадать, когда пройдет следующая машина, было невозможно.

Подул ветер, надвигалась темная туча, предвещающая дождь. Переходить по прогнувшимся рельсам последнего пролета моста в дождь будет опасно – можно легко поскользнуться. Надо успеть до дождя!

Я вышел на насыпь и зашагал к мосту, держа удилище на плече. Через сто пятьдесят метров я уже был у последнего пролета. Действительно, балочный настил там провалился, остались только рельсы и несколько шпал. Я пошел, балансируя, по левому рельсу, но на полпути порыв ветра заставил меня закачаться. Удилище полетело в воду, рюкзак на спине сместился, я потерял равновесие, но всё же успел сесть верхом на рельс и таким образом начал скользить по нему над водой. Когда мне оставалось всего метра два до берега, я вдруг услышал сзади звук мотора автомобиля. Не обращая на него внимания, я дополз до первых шпал, выбрался на берег и только тогда, обернувшись, увидел, что у восточного конца моста остановился грузовик, кузов которого был закрыт тентом. Из него выпрыгивали солдаты. У некоторых были автоматы. Я поднялся на ноги. Солдаты что-то кричали. Я приложил ладони к ушам, показывая, что не слышу. В этот момент по ним ударил порыв ветра с сильным дождем. Через несколько секунд накрыло и меня. Я махнул рукой и побежал к деревьям, стоявшим шагах в пятнадцати от насыпи, в любой момент ожидая автоматной очереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.